

63.52(2 Рос-6х)

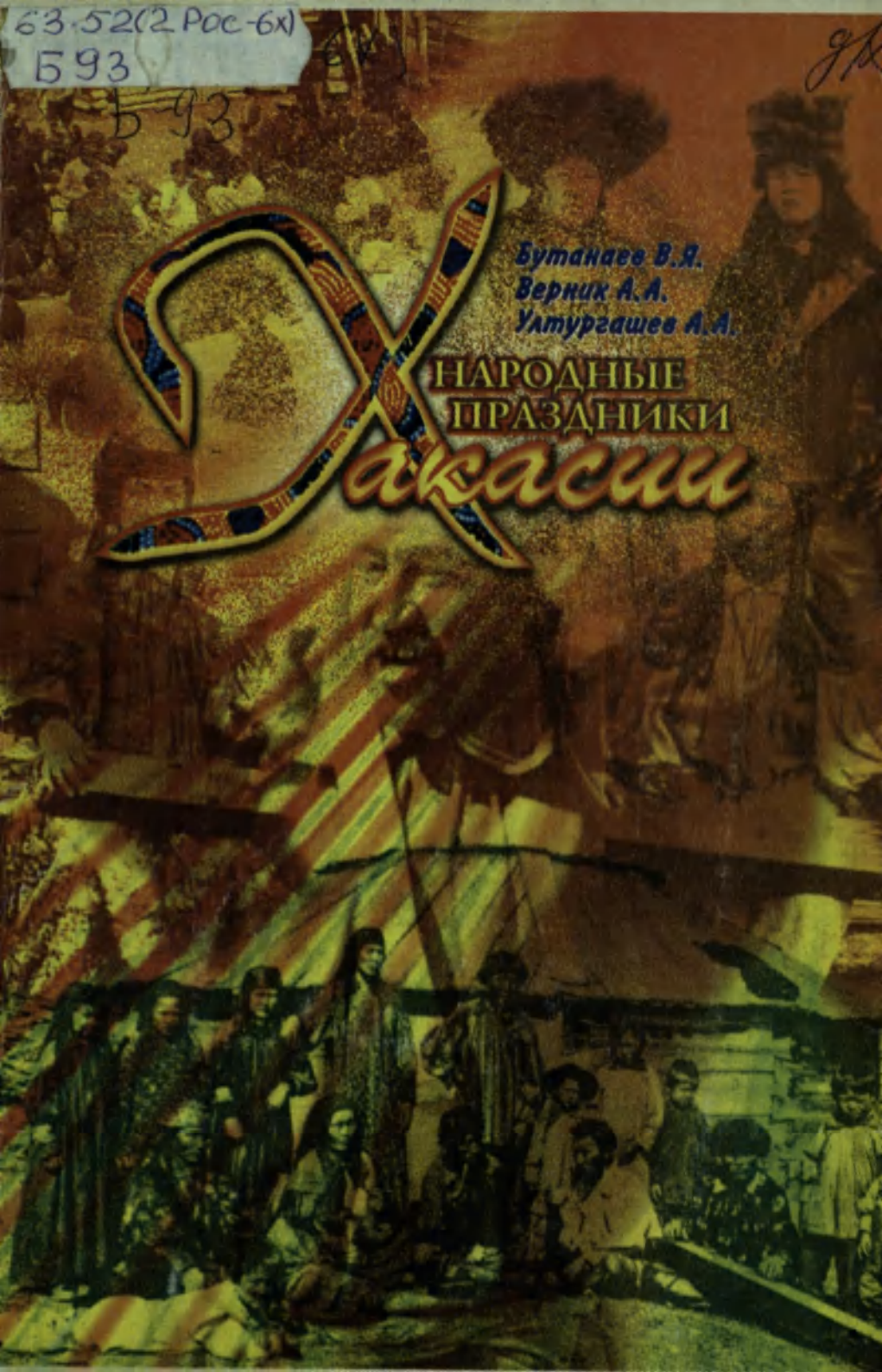
Б93

Б93

98

Бутанаев В.Я.
Верник А.А.
Ултургашев А.А.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ АЖАСИ

Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова

Бутанаев В.Я., Верник А.А., Ултургашев А.А.

Народные праздники Хакасии

Учебное пособие

Национальная
библиотека
им. Н. Г. Домсжавова
Республики Хакасия

Абакан
1999

ББК 71.4
Н 301

*Пятилетию
Хакасского государственного
университета им. Н.Ф. Катанова
посвящается*

*Печатается по рекомендации Методического совета и
по решению Редакционно-издательского совета
Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*

Авторы: *Бутанаев Виктор Яковлевич
Верник Александр Александрович
Ултургашев Артем Анатольевич*

Рецензент *Гладышевский А.Н., кин., доцент*

Н 301 Народные праздники Хакасии. Учебное пособие. – Абакан:
Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Ката-
нова, 1999. – 76 с.

В учебном пособии «Народные праздники Хакасии» авторы впервые осветили про-
блему такого вида культуры как национальные праздники.

Книга вводит в научный оборот целый ряд забытых и полузабытых традиционных
праздников и обрядов, составляющих культурно-исторические ценности хакасского народа.

На основании результатов многочисленных полевых работ, встреч и бесед с информа-
торами, авторы в деталях и подробностях воссоздали подлинную картину прошлого.

Для широкого круга читателей.

ISBN 5-7810-0090-9

© Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. СЕМЕЙНЫЕ ПРАЗДНИКИ	7
1. Праздники, посвященные рождению и первым этапам жизни ребенка	7
<i>Кин-той – праздник захоронения последа</i>	7
<i>Пизик-той – праздник колыбели</i>	8
<i>Пала-той – именины</i>	9
<i>Тис-той – праздник по поводу появления первых зубов</i>	10
<i>Киспик-той – праздник срезания первых волос</i>	10
<i>Тузамах кискен-той – праздник "разрезания пут"</i>	11
2. Свадебные ритуалы (хоных-той)	11
<i>Сас-той – праздник переплетения девичьих волос (помолвка)</i>	11
<i>Чарас – мировая</i>	12
<i>Кичиг-той (хыс-той) – девичник</i>	12
<i>Улуг-той (оол-той) – свадьба</i>	12
<i>Иб-той – новоселье</i>	13
<i>Тёргин – праздник первого посещения родителей невесты</i>	14
3. Тугенджи-той – тризна по умершему	15
4. От-тайыг – жертвоприношение домашнему очагу	19
Глава II. КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ	22
Чыл пазы – праздник начала года	22
Таан-той – праздник прилета первых весенних птиц – галок	24
Ууче талачан улукун – праздник прихода весеннего тепла и размораживания заготовленного мяса	24
Урен хурты	25
Тун-пайрам – праздник первых молочных продуктов	26
Уртун-той – праздник урожая	28
Айран солындызы – праздник последнего айрана	28
Глава III. ПРОМЫСЛОВЫЕ ПРАЗДНИКИ	29
Аба-той – медвежий праздник	29
Албагы-той – соболиный праздник	31
Тунджух-той – праздник по поводу добычи ста белок	31
Ирбен чулчан улукун – праздник заготовки богородской травы	32
Палых-той – праздник по поводу добычи осенней рыбы	32
Глава IV. ОБЩЕСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ	33
Тигир-тайыг – небесное жертвоприношение	33

Таг-тайыг – горное жертвоприношение	37
Суг-тайыг – жертвоприношение водной стихии	37
Ада-Хоорай – праздник, посвященный памяти предков	38
Родовые праздники	41
ГЛАВА V. ХРИСТИАНСКИЕ ПРАЗДНИКИ	44
Съезжие праздники	
Святки – Чыл сырты улукун	45
Масленица – Хаях улукун	51
Вербное воскресенье – Улуг поэрах	52
Пасха – Хызыл нымырха	52
Родительский день – Хара нымырха	54
Вознесение – Позыначай	55
Троица – Тросин	55
Литература	57

ВВЕДЕНИЕ

В жизни народов Хакасии большое значение имеют праздники с их многообразием обычаев, обрядов, церемоний и ритуалов. Праздники (по-хакасски "улукун" – буквально "великий день") отражают историко-культурное наследие народа и в известной мере формируют духовный мир подрастающего поколения.

Важную роль в праздниках играют социально-психологические факторы, религиозные обычаи и обряды, нормы взаимоотношений между людьми. Отражая важнейшие социальные связи поколений, их представление о мире, праздник сохраняется как этнокультурная традиция. Весь обрядово-праздничный комплекс составляет значительную часть современной этнической культуры народа.

Праздник – первичная и неуничтожимая категория человеческой культуры. Он может оскудеть, даже выродиться, но он не может исчезнуть. Праздник обладает определенной идейной направленностью, отражая тенденции борьбы добра и зла. Для большинства людей праздник является возможностью уйти от забот повседневной жизни, своеобразной коллективной психологической разрядкой.

В то же время праздник несет и большую идеологическую нагрузку, и многообразные социальные функции, которые тесно связаны друг с другом. Именно во время праздника особенно активно проявляется культурная инициация и социализация личности, поскольку с детского возраста открывается возможность участвовать в коллективных действиях. Праздник является одним из орудий воспитания молодежи в духе национальных традиций.

Праздник служит мощным импульсом для развития разного рода художественного творчества, поскольку он привлекает людей к активному участию в оформлении ритуалов, к приготовлению специальных блюд и костюмов, созданию музыки, песен и танцев. Каждый старается сделать его пышным и красочным.

Проблеме национальных праздников Хакасии не было посвящено ни одной книги. В этнографической литературе содержатся лишь косвенные указания на этот вид культуры.

Все вышеизложенное вполне справедливо и для второй после хакасов основной группы населения региона – русских старожилов Хакасско-Минусинского края или, как сами они называют, чалдонов. Данная группа населения сформировалась во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Ее основу составили потомки выходцев с севера Европейской России, что обусловило наличие в чалдонской традиционной культуре мощного пласта севернорусских традиций. Но самое главное – за время своего развития в регионе культурная традиция русских старожилов в силу постоянных и тесных контактов с хакасским населением приобрела особенные черты.

Несмотря на это, чалдонские народные праздники, как и русские праздники вообще, имеют аграрный характер и теснейшим образом связаны с земледельческим народным календарем. Термином "праздник" у русских назывались семейные и общинные торжества, а также воскресенья. Помимо этого, в праздниках выделялись мужские, женские, молодежные и девичьи собрания. Общинные праздники могли быть местными, деревенскими, либо волостными, праздновавшимися в пределах волости. Как и повсюду, они подразделялись на большие – главные, годовые и малые полупраздники. Большие праздники по происхождению могли быть церковными либо не установленными церковью. Разнообразные виды праздников, сложившихся в течение многовековой истории нашего региона, представляют характерную особенность Хакасии.

Глава I. СЕМЕЙНЫЕ ПРАЗДНИКИ

1. ПРАЗДНИКИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РОЖДЕНИЮ И ПЕРВЫМ ЭТАПАМ ЖИЗНИ РЕБЕНКА

КИН-ТОЙ

праздник захоронения последа

На третий день после рождения ребенка проводили **Кин-той**. Собирались соседи и пожилые родственники. Забивался баран и делалась сметанная каша – потхы. До этого дня ничего не выносили из юрты (даже мусор), ничего не давали посторонним (даже воду из колодца). Отпавшую пуповину торжественно заворачивали и клали в шкатулку, где хранились ножик или ножницы, которыми её обрезали.

Во время праздника Кин-той совершали захоронение последа (пала инезі – букв. мать ребенка). Последу хакасы придавали особое значение в связи с тем, что он охраняет плод в утробе матери и от него якобы зависят здоровье и судьба ребенка. После обрезания пуповины послед мыли водой, смазывали маслом и, положив в бересту, хранили под изголовьем кровати.

Отец ребенка выкапывал в юрте ямку, причем, для последа девочки – на женской половине юрты, для последа мальчика – на мужской. Необходимо было выбрать такое место, где никто не будет ходить и наступать (под кроватью, сундуками, полками или под стеной). Если захоронить послед в месте, где ходят люди, то ребенок вырастет морально подавленным. Послед хоронили вверх пуповиной: если захоронить наоборот, то якобы женщина больше не сможет рожать. Вместе с последом захоронялись березовая палочка, на которой резалась пуповина, и первый кал грудного ребенка (хара тоох). Вокруг последа втыкали девять (для мальчиков) или семь (для девочек) березовых щепочек и намазывали их сметанной кашей – потхы. Таким образом сооружался конический шалашик,

служивший жилищем последа. Посередине его клали серебряную монету. Приготовленный к захоронению послед повитуха окуривала богородской травой, посыпала крупой и табаком, произнося: "Кури, ешь и пей, бабушка! Пусть твой ребенок также будет сыт и здоров!". Затем послед сверху закрывался белой материей и засыпался. Необходимо было завернуть его в теплое одеяние, иначе, если последу будет холодно, роженица тоже будет мерзнуть. Белое одеяние последа и шалашик из девяти или семи березовых палочек должны были охранять послед от всякой нечисти.

Похоронив с почестями послед, повитуха три раза по солнцу обводила роженицу вокруг этого места. Каждый раз, обойдя "могилу" последа, роженица ногой наступала на место захоронения, произнося: "Мать Умай, охраняй своих детей! Мать моего ребенка (т.е. послед), пусть твои дети будут здоровы! Мать моего ребенка, пусть окрепнет моя поясница! Мать моего ребенка, дай мне свои силы!" После торжественных проводов последа собравшиеся старики и старухи приступали к трапезе. По этикету на этом обряде требовалось сохранять веселое выражение лица и смеяться. Хакасский ребенок свою повивальную бабушку называл "кiн iче" – повивальная мать (букв. пуповинная мать), а она его, в свою очередь, – "кiн пала" – повивальное дитя (букв. пуповинное дитя).

ПИЗИК-ТОЙ ***праздник колыбели***

Колыбель (пизик) делали только после рождения ребенка и обязательно на новолуние. Её, по обычаю, изготовлял дядя по матери или дедушка по матери. Иногда колыбель заказывали у мастера. Материалом служила береза.

Прежде, чем класть в колыбель малыша, совершали следующий обряд. Если был мальчик, то в пеленки заворачивали нож в ножнах, огниво с опояской и березовое полено для скобления крошек в табак (хырчаннас), а если девочка – ножницы, наперсток с иглой и огниво с опояской. Повитуха или бабушка клала завернутые вещи в колыбель, которую три раза качала и баюкала: "Пууй-баай, не будь плаксой!". На третий раз она раскачивала её так, что все вываливалось на землю. В этот момент повитуха восклицала: "Оңар ба, тискер бе?" (Удача или неудача?). Все присутствующие кричали: "Оңар, оңар!" (Удача, удача!). Так делали до трех раз. Затем в колыбель клали щенка или кошку и раскачивали так, чтобы на третий наклон они выпали. После этой процедуры колыбель считалась обжитой. После указанного обряда в колыбель торжественно клали ребенка и благословляли: "Пусть будет крепким колыбельный ремень, пусть будет много братьев!". В качестве оберега (арғыс – букв. спутник) на дно люльки клали нож для мальчика и ножницы для девочки.

Колыбель для ребенка служила два-три года. Её нельзя было ломать и выбрасывать. Следующие дети также росли в ней. Однако если ребенок умирал в грудном возрасте, то его колыбель считалась нечистой (хара пизик – букв. черная люлька). Её обычно относили в горы и бросали со всеми принадлежностями.

ПАЛА-ТОЙ **именины**

После того, как окрепнут ребенок и его мать, обычно месяца через три, проводили именины – Пала той. К этому торжеству готовились тщательно, так как, согласно народной традиции, в жизни человека отмечалось всего три главных события – именины, свадьба и тризна по случаю кончины. На мясо резались овцы и готовился молочный напиток. Его наливали в большой казан, установленный на женской половине юрты. Гости взамен полученной чашки напитка бросали в казан монету, кольцо, перстень или перламутровые пуговицы. Это были подарки на зубок (тіс), чтобы у малыша зубы быстрее прорезались. Затем, после осушения казана, их привязывали к колыбели или делали браслетик на руку младенца. На именины родственники дарили скот – лошадей, коров или овец. За крупный скот существовал обычай отдаривания "харо", т. е. ребенок, став взрослым, должен был отплатить сторицей. За овец отдарка не требовалась.

Прежде чем садиться за стол, перед очагом поднимали блюдо с горячим мясом и угощали домашних духов. Затем, отрезав три куска жирного мяса от сердца, от правого верхнего ребра (погана) и от грудинки, бросали их в огонь. Только потом приступали к трапезе. Старцы пили чай и желали ребенку взять их долю долголетия. На именинах ребенку давали хакасское имя. Человек, собравшийся дать имя, освящал свои уста молоком белой коровы и садился на почетное место на белый войлок. Девочке давали имя пожилые женщины, а мальчику – старики. За это их одаривали одеждой. Они, в свою очередь, девочке подвязывали семь голубых бусин, а мальчику – три стрелы. Если при рождении ребенка заходил пожилой человек, то часто его имя давали младенцу, чтобы он тоже жил долго, как и вошедший. Старик вырывал из своей бороды три волоска, клал их под мышку новорожденного и говорил: "Оставляю тебе свое имя! Живи так же, как я, до старости, будь с такой же большой бородой!". Согласно поверью, человек, отдавший свое имя, может лишиться жизни. Ребенок якобы забирал часть его доли.

У хакасов была разработана своя система имен. Младенца не называли именами умерших. Почти любое слово могло стать антропонимом. Детей называли по этнической принадлежности: Хоорай (старинное са-

моназвание хакасов), Тадар (современное самоназвание хакасов), Хыргыс (т. е. киргиз), Саат (т. е. сибирский татарин). Имена могли иметь социальное значение: Тазоол (байский пастух), Кнес (родовой староста), Анчы (охотник), Абахай (княгиня). Ребенка называли по месту рождения: Сахсаар (рожденный в горах Сахсаар), Хаңаа (родившийся в телеге), Турачах (родившийся в доме). Часто давали имена птиц и животных: Хозан (заяц), Хуча (баран). Торгай (жаворонок) и т. д. В ряду имен девочек встречаются названия продуктов питания и принадлежностей украшения: Пызлах (сыр), Торғы (шелк), Ызырга (сережка), Хурчу (наперсток). Для имен мальчиков выбирали названия мужских предметов: Мылтых (ружье), Хыйлаг (курок), Хазан (котел).

В связи с христианизацией хакасского населения привились русские имена, многие в местном произношении: Апанис – Афанасий, Аркас – Аркадий, Самой – Самуил, Ойла – Ольга, Илона – Елена и т. д.

ТИС-ТОЙ

праздник по поводу появления первых зубов

Когда у ребенка прорезывались первые зубы, то устраивали небольшое угощение Тис-той – букв. праздник зубов. Приглашались пожилые люди, которые на чаепитии дарили малышу на зубок монеты, пуговицы и другие мелкие вещи. В дальнейшем выпавшие молочные зубы дети вминали в хлебный мякиш и бросали собаке со следующими словами: "Чабал тісті позыңа ал, чახсы тізің мағаа пири!" (Плохой зуб сама возьми, хороший зуб мне дай!).

КИСПИК-ТОЙ

праздник срезания первых волос

До исполнения года ребенку не стригли волос и ногтей, ибо нельзя было к ним прикасаться острыми предметами. В крайнем случае ногти откусывали зубами. Торжество по случаю обрезания волос носило название Киспик-той (букв. праздник чубчика). Обряд стрижки ребенка совершал дядя по матери (тайы). Состриженные волосы бережно заворачивали в ткань и хранили в шкатулке вместе с пуповиной и "рубашкой". По обычаю волосы никогда не разбрасывали, иначе якобы птицы из них соведут гнезда и будут постоянные головные боли. На голове ребенка оставляли небольшой чубчик (киспик), за который дергали при наказании.

ТУЗАМАХ КИСКЕН-ТОЙ

праздник "разрезания пут"

Как только ребенок сделал свои первые самостоятельные шаги, совершали обряд "разрезания пут" – Тузамах кискен-той. Бабушка брала

нож (если был мальчик) или ножницы (если девочка) и перед ногами малыша на земле чертила крест. Затем троекратно имитировала "разрезание веревочных пут", три раза бросала нож или ножницы между ног и благословляла: "Я разрезаю твои пути! Пусть земля, на которую ты ступишь, будет твердая, как железо!".

С большой радостью встречали первые произнесенные слова. В связи с этим событием над головой ребенка разламывали свежеспеченный хлеб и говорили: "Ахсы-тілін позыт" (Освободи свой рот и язык).

Нужно отметить, что рождение ребенка сопровождалось с выработанными веками национальными устоями и традициями. Некоторые обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка, имеют аналогии в других тюрко-монгольских этносах, что говорит о древних историко-культурных связях хакасов с народами Сибири и Центральной Азии.

2. СВАДЕБНЫЕ РИТУАЛЫ

ХОНЫХ-ТОЙ

САС-ТОЙ

праздник переплетения девичьих волос

После привоза невесты в дом жениха её косички расплетали и заплетали волосы в две косы.

Прическа хакаской женщины имела определенное значение. Согласно обычаям, девушки носили много косичек (сүрмес), заплетенных по часовой стрелке (оңар). Замужняя женщина носила две косы (тулун). Старая дева заплетала три косы (сүрмес). Когда девушка рожала внебрачного ребенка, она обязана была носить одну косу (кичеге), что считалось большим позором.

На празднике Сас-той обряд расплетения косичек возглавляла жена старшего брата (ниге) жениха, или его старшая сестра (пиче) или жена дяди по матери (койі). Расплетавшая косички называлась "пазыртхан іче" (посаженная мать) и отвечала за все основные ритуалы, связанные с невестой. Она надевала такой же костюм, как и сваха.

С северной стороны юрты родители из трех березовых жердей, крытых корой, устанавливали свадебный шалаш с дверью на восток (харанды). Невеста во время всего праздника Сас-той обязана была находиться в этом свадебном шалаше. Здесь же ей распускали волосы и заплетали две косы. "Пазыртхан іче" находилась у правого плеча, а её свояченица (абызын) – у левого. К заплетенным волосам невесты посаженная мать сразу же прикрепляла одну накладную косу "сугынды", сделанную из своих волос, а другую – из волос жениха.

ЧАРАС *мировая*

Через неделю после Сас-той родители жениха с двумя-тремя бочонками айранного вина отправлялись к сватам на мировую (чарас). Первая мировая называлась **Кичиг чарас** – малая мировая. На неё приезжали одни мужчины, которых частенько встречали кнутом. Здесь платили недостающий калым. Следующий приезд носил название **Улуғ чарас** – большая мировая. На ней окончательно решали вопрос о проведении свадьбы, о сроках приезда невесты к своим родителям, о числе гостинцев для родственников и т. д. Когда приезжали в дом родителей невесты, то отец жениха, держа бочонки с вином, кланялся в ноги свату и произносил: "Если скажешь: "Выйди!" – буду твоим верным псом; если положишь в огонь – буду твоей головней; если войдешь в воду – буду твоей опорой; если поднимешься в гору – буду твоим посохом; если скажешь: "Войди в дом!" – буду твоей родней!". Если приехавшие на мировую сумели пройти на почетную сторону юрты (төр), то, согласно обычаю, с ними уже не перепирались. Ночевать у сватов не разрешалось. Приехавшие издалека шли ночевать к соседям. Все привезенное вино (чарас арагазы) на мировой выпивать не полагалось.

КИЧИГ-ТОЙ (ХЫС-ТОЙ) *девичник*

Накануне проведения свадьбы устраивали девичий праздник – **Кичиг-той** (букв. малый пир). Обычно родственница жениха, исполнявшая роль посаженной матери, увозила невесту к себе домой. Здесь делали угощения для молодежи. Жених на этом празднике не присутствовал. Вечером устраивали гуляния под названием "хыс-ойны" (девичий хоровод). Парни и девушки, выстроившись друг против друга, медленно пританцовывали и распевали песни.

На следующее утро за невестой приезжали свахи, которые увозили её на свадьбу.

УЛУҒТОЙ (ООЛ-ТОЙ) *свадьба*

Свадьба проводилась в доме родителей жениха. Во дворе выкапывали очаг (чооха). Если брак для обоих молодых был первым, то очаг (чооха) выкапывали крестом. Если мужчина женился вторично, то "чооха" делали Т-образный. Огонь в свадебном очаге "чооха" зажигали только от серебряного огнива. С южной стороны от юрты делали мужское застолье (иреннер учазы), а с северной – женское (ипчилер учазы). Люди садились на кошку, а вместо скатерти расстилали бересту. Поварами (хазанчы) на

этом пиршестве могли быть только мужчины. Разделять забитый скот надо было обязательно по суставам. Ломать кости запрещалось. На "улуҕ-той" обычно забивали коня, корову и овец.

Перед тем, как начать застолье, совершали обряд "оор-пус": куски горячего мяса с идущим от них паром поднимали несколько раз на блюде вверх и бросали в огонь. Это было жертвоприношение духам местности. На застолье выставляли три казана спиртного. Напиток разливали по чашам специальные виночерпии. Молодежь собиралась на угощение в юрте. Вечером парни и девушки устраивали "оол-ойны" – мужской хоровод. Все вставали в круг и, взявшись за плечи и покачиваясь из стороны в сторону, пели песни. Молодая присутствовала на хороводе, но петь песни ей запрещалось.

После этого молодоженам дарили деньги и подарки. Начинали с того, что молодые, поклонившись огню, подходили к родителям жениха и кланялись им в ноги. Держа в руках деревянное блюдо с мясом, они говорили: "Мы пришли просить пестрого коня, чтобы ездить в гости. Мы пришли просить белую корову, чтобы из её молока делать айран. Мы пришли, чтобы просить посуду для продуктов. У нас нет курицы, которая бы кудахтала. У нас нет собаки, которая бы лаяла".

Родители брали с блюда мясо, а вместо него клали деньги. Остальные родственники или опускали деньги на блюдо, или называли подаренное животное (лошадь или корову). Затем дядя жениха и близкие родственники по очереди приглашали всех участников свадьбы к себе домой. Такой обычай назывался "уча көдир" – поднятие застолья.

ИБ-ТОЙ *новоселье*

Для молодоженов обязательно строилось новое жилище. После свадьбы родители жениха справляли Иб-той – праздник новой юрты. Юрту начинали строить после того, как сын объявлял о своем намерении жениться. Новое жилище устанавливали с северной стороны от юрты отца. Во время проведения праздника совершали ритуальное зажигание очага и кормление богини огня От-ине. Огонь для новой юрты приносил из родительского очага дядя жениха по матери (тайы). По этому поводу хакасская поговорка гласила: "Оолның оды наа ибде, хыстың оды чонда" – Сын зажжет огонь в новой юрте, дочь зажжет огонь у людей".

ТЁРГИИ

праздник первого посещения родителей невесты после свадьбы

На третий день после свадьбы новобрачную вели в гости к её родителям. На Тёргии ехали все участники свадьбы. Среди них обязательно

были посаженные отец и мать, главная сваха (пас худағай) и её муж (пас худа). Отец новобрачного обычно не ездил. Молодая в последний раз надевала шапку невесты "сахпа". Такую же шапку надевала девушка, сопровождавшая молодую (как правило, сестра новобрачного). Их лошадей за поводья вели мужчины. На праздник обязательно везли девять бочонков вина, которые выставлялись на обозрение во дворе усадьбы сватов. С их стороны выбирались люди, которые считали бочонки и проверяли их полноту. Если они оказывались неполными, то это считалось родителями молодой за оскорбление.

Свадебный поезд на дороге поджидали парни. Двое верховых перегораживали жердью путь и не пропускали процессию. Необходим был откуп в виде бочонка вина. Этот обряд носил название "тёге пазы" - начало преграды. Молодежь хватала подвязанный белым платком бочонок с вином, называвшийся "пас ат торсыгы", и пропускала свадебный поезд под поднятой жердью. Сначала вся процессия объезжала селение сватов три раза по движению солнца, затем подъезжала к воротам.

Для того, чтобы ублажить родственников молодёй, через ограду бросали один торсук вина (ідіс ахсы – початие). Наконец выходили навстречу семь девушек и, подвязав шелковые платки к поводьям лошадей, заводили приехавших в ограду. Сначала должен был сойти с лошади "пас худа" – муж главной свахи.

Новобрачный привозил с собой подарок (чооча) – целую тушу овцы со снятой шкуркой, но с головой и двумя конечностями (правая передняя жога и левая задняя не отрезались). Он ехал на праздник верхом, с грузом на спине. В юрту тестя он входил с бочонком вина под мышкой и тушей барана за спиной. Сначала над новым зятем вершили "суд" (чарғы). Дядя по матери новобрачной или её старший зять нагайкой трижды стегал по спине стоящего перед ним на коленях молодого. После каждого удара бьющий благословлял: "Бью крученым кнутом, чтобы стали мы вечными родственниками! Бью витой нагайкой, чтобы мы стали крепкими родственниками! Бью длинным бичом, чтобы стали мы нераздельными родственниками! Уважай старших и почитай молодых!". В это время старшая невестка (ниге) или старшая сестра стегала березовым прутиком по пояснице молодухе и приговаривала: "Пусть не бьется у тебя посуда, пусть хорошо готовится у тебя пища!".

Затем новобрачные кланялись родителям молодой. Они становились на колени и, опустив головы, держали в вытянутых руках по две чаши с вином. До тех пор пока родитель не примет правую чашу и не поднимет рукой голову молодой, они не имели права вставать. Так они кланялись всем сидящим за столом братьям хозяина. После этого молодую усаживали на почетное место, а нового зятя выводили во двор, где ему предлагали тремя ударами раздробить чурку. Неудача считалась позором и рас-

ценивалась как плохой признак. Однако родственники со стороны новобрачной могли пойти на хитрость, чтобы помочь, или объявляли достаточным, если ему удавалось отрубить с края чурбана щепку.

Отцу молодой привозили в подарок "пас ат ханзазы" – орнаментированную трубку и вышитый кисет. Все участники праздника совместно раскуривали трубку. Матери молодой от имени зятя дарили "имчек агы" (подарок за материнское молоко, состоявший из платя или платка). От имени зятя тестю и его братьям дарили одежду, платки, платья и дорогие материи. Получивший подарок обязан был принять участие в выделении приданого для молодой.

На Тёргин приезжали под вечер. Следующим утром девушка, сопровождавшая новобрачную, варила "чооча" (подаренную тушу барана), и все родственники собирались на трапезу. Голова торжественно вручалась свату. В это время отец молодой называл выделяемое ей приданое. Затем её дядья по очереди приглашали к себе всех пирующих. Молодые к каждому из них заходили с бочонком вина, а те обязаны были принять участие в выделении приданого и во время застолья называли будущие подарки. Кто выделял скот в приданое невесте, тот в дальнейшем от родителей жениха получал в награду одежду или платье.

Молодая и все приехавшие на Тёргин должны были находиться здесь три дня. На третий день приехавшие сваты возвращались назад. Молодой давали подарок "нандыт" – флягу вина, мешок гостинцев и заднюю часть туши барана. По обычаю, у курдюка подаренной части туши обрезали кусочек, дабы из родительского дома не ушло счастье. Молодые, вернувшись в свой новый дом, утром делали угощение для своей родни. На этом свадебные обряды заканчивались.

3. ТУГЕНДЖИ-ТОЙ ТРИЗНА ПО УМЕРШЕМУ

Согласно хакасским поверьям, в момент смерти человека душа "тын" (букв. дыхание) отрывается и, превратившись в птицу (у взрослых – в журавля, у детей – в ласточку), улетает в сторону заката солнца, где находится страна мертвых (узут чир). Местом разрыва души "тын" считается аорта, проходящая у сердца. Другая часть души "чула" является хозяином человека и находится якобы в зрачках. После смерти она выходит из глаз и превращается в "сүрүн" (сүне), т.е. поминальную душу. В течение года во время поминок она незримо присутствовала среди живых людей. Третья часть души умершего имеет название "харазы" (т. е. черная душа). Она оставалась на месте смерти человека и причиняла людям вред. Четвертая душа "ибірткі" (букв. обходящая) в течение 40 дней обходила все места, где побывал её бывший хозяин, и затем отправлялась

на божий суд. Всего же хакасы насчитывали до семи видов различных душ человека.

Умершего человека обмывали, положив на доски перед порогом в юрте. Мужчину обмывали старики, женщину – старухи. После выполнения этого ритуала им ополоскивали руки, окуривали богородской травой и дарили мыло, полотенце и что-либо из одежды умершего.

Покойного одевали в самую лучшую одежду, специально приготовленную для похорон. Она носила название "кибен". На покойника нельзя было одевать совершенно новый неношенный костюм, т. к. он якобы "не пристанет к телу". Если знали о приближении смерти, а у умирающего не было хорошей одежды, то спешили пошить новую и одеть её хотя бы раз, прежде, чем он скончается. Летом обряжали в летнюю, зимой – в зимнюю одежду. Рубашку и платье надевали наизнанку, а шубу – внутренней стороной наверх.

Одежда покойника обязательно разрезалась. В противном случае умершего не примут в страну мертвых. Обряд разрезания одежды в хакасском языке имел специальное название термин – "кӧнде". Обычно совершали обряд "кӧнде" сразу же, когда одевали покойного. Сначала надрезали носки обуви, затем поясную часть брюк (причем, пояс снимали) и заканчивали разрезом воротника, говоря: "Кибӧн ал". – Возьми свою одежду!" Все пуговицы платья и рубашки отрезались (или только одна верхняя), т.к. они притягивали душу (хут) и хранились дома на счастье. В честь памяти умершего (хурмартгызы) их пришивали к одежде детей. По хакасскому обычаю на одежде живых людей пуговицы никогда не отрезаются, а, при необходимости, только отпарываются. Если умерла женщина, то её платок разрезали пополам от угла к углу, срезали кисточки и одну полученную треугольную косынку надевали на голову, а второй подпоясывали. Разрезанный платок накидывали на голову покойной без складки, а концы подвязывали под подбородком. Согласно хакасскому обычаю, в этом мире женщины носили платок с характерным подгибом (кӱрее) на лбу, а концы его завязывали на затылке. Косынки надевать запрещалось. Умершую женщину клали на почетном месте поперек пола, а мужчину – вдоль пола, ногами к двери.

Гроб (хомды) изготовляли коллективно, не допуская участия близких покойного. Стружки от гроба тщательно подметали и сжигали. Наступать на них было нельзя, иначе человек мог заболеть. В гроб под голову умершей женщине клали разрезанную пополам женскую подушку (азах частых), а мужчине – мужскую (пас частых). Под подушку клали белую шерсть, говоря: "Пусть белый подарок осветит твой дом!". Умершего в гроб помещали пожилые мужчины из отдаленной родни (обычно те же, кто делал гроб). Руки у покойного по хакасскому обычаю вытягивали вдоль туловища. Для того, чтобы ладони не согнулись, пальцы пе-

рвезывали белой материей. Перед захоронением эти белые ленты снимались и расхватывались на счастье. Хакасы верили, что ногти согнутых пальцев могут прорасти сквозь ладони. Ногти якобы радуются смерти хозяина: "Наш хозяин, который нас резал, лег в землю и сгниет, теперь мы прорастем сквозь его сердце!" В отличии от ногтей волосы якобы печалются: "Наш хозяин, который нас прихорашивал, лег в землю и сгниет, теперь мы превратимся в гнездо для мышей!". Считается, что у живого человека душа – "хут" (жизненная сила) – днем прячется под ногтями ног, а ночью – под ногтями рук и в корнях волос головы. Поэтому ночью нельзя стричь ногти рук и расчесывать волосы, иначе человек теряет жизненную силу. Ногти на руках стригли днем, на ногах – ночью. Выпавшие волосы обязательно сжигали.

Вместе с умершим в гроб по древнему обычаю кладется до девяти штук различной одежды. Одевание покойного "кибен" идет в счет, за исключением брюк. Если не набиралось девяти штук, то клали семь, пять или три. Причем, одной шубой, входящей в число погребальной одежды, накрывали гроб при захоронении. По хакасскому обычаю, на умершего набрасывали шубу воротником к голове, в то время как живого человека укрывали только поперек.

После смерти человека с внешней стороны юрты под порог клали черемуховые ветки, а с внутренней стороны – топор или лезвие косы. Этим предохранялись от злых духов. В аале, где умер человек, до 40 дней двери всех домов подпирались березовой палкой.

На почетном месте рядом с гробом устанавливался стол для продуктов покойному. На нем стояла и чаша для сжигания пищи, чтобы каждый из прибывших родственников и соседей клал принесенные яства и вина. В день погребения, а в дальнейшем – во время поминок, еда со стола берется на кладбище. Кроме того, едой угощают людей на кладбище.

На стол для продуктов покойному запрещалось класть мясо вместе с костями. Нельзя оставлять на нем вилки, ножи и другие острые предметы, т. к. поминальная душа "суне" может наколоться. Во время похорон в доме умершего работу по хозяйству выполняли далекие родственники.

Могилу копали обычно глубиной до поясницы. Копать начинали утром в день похорон. Близким родственникам запрещалось участвовать в этой работе. Перед тем, как копать могилу, пожилой мужчина кропил вокруг вином, клал на землю белую шерсть и затем лопатой вонзал её в грунт со словами: "О, земля! Дай ему свое ложе!".

Покойного из дома выносили в полуденное время, когда солнце повернет на запад, через двери вперед ногами. После выноса трупа из дома полы подметали и помещение окуривали богородской травой. Дверь дома три раза открывали и закрывали, говоря: "Пойдем, дома никого нет". На то место, где стоял гроб с покойником, клали круглый черный камень "хара тас", принесенный с берега речки. Двери дома плотно закрывали, и

в этот момент одна из старух, положив камень "хара тас", заклинала: "Если сюда вернется дьявол, съевший тебя, то пусть грызет этот камень! Пусть больше не будет в этом доме покойников, лучше пусть будет лежать камень "хара тас"! Пусть он займет твое место!"

Камень "хара тас" находился в юрте до седьмого дня. На седьмой день вечером камень "хара тас" относили на могилу или выбрасывали за околицу в сторону кладбища со словами: "Возьми свой черный камень "хара тас"! Пусть уйдет из дома вместе с ним черная душа "харазы"! Место, где он лежал, окуривали богородской травой (ирбен).

Гроб с покойным помещали на телегу (летом) или сани (зимой). Транспорт ставили поперек дверей. Во дворе, как только вынесли из дома умершего, совершали обряд "хурайлааны", т. е. магическое ограждение от умершего. Смысл его заключался в том, чтобы уходящий в тот мир не взял с собой души живых людей, особенно детей. Вдовая женщина (замужним нельзя) наливала молоко в деревянную чашечку, закрывала её белой материей и, держа её в руке, обходила три раза вокруг телеги с гробом со словами: "Хурай, хурай! (т.е. Помилуй и спаси!) Не оглядывайся назад! Пусть твое счастье останется дома! Пусть твои дети останутся здоровыми!" Шествие свое она начинала с запада на восток против движения солнца (тискер). Со стороны восхода солнца вдовая женщина, совершая обряд, останавливалась и спрашивала: "Оңар ба, тискер бе?" – Радость или печаль?" Все присутствующие мужчины восклицали: "Тискер, тискер!" – Печаль и горе". Иногда гроб не обходили, а только над умершим три раза против часовой стрелки обводили чашечкой с молоком. Затем эту чашку с молоком давали пригубить всей семье покойного или закрытой ставили на его стол. Чашечка с молоком стояла там три дня. Потом молоко давали собаке или выливали в очаг, причем наклоняли чашечку правой рукой сначала влево, затем – вправо и наклоном влево.

Иногда вместо чашечки с молоком применяли белый платок. Вдовая старушка, помахивая им, обходила три раза гроб. После этого завязывала на нем три узелка и отдавала хозяину дома со словами: "Пусть не покинет душа своего живого хозяина".

Гроб закрывали крышкой и привязывали арканом к телеге. На оседланную лошадь садился верхом вдовый мужчина. Лошадь после выполнения такой тяжелой обязанности распрягали и, обкурив богородской травой, отпускали отдыхать на весь год.

На кладбище гроб с покойным сначала ставили сбоку от могилы, причем с мужчиной – с южной стороны головой на запад, а с женщиной – с северной. Могилы были расположены с запада на восток. Перед тем, как опустить гроб в могилу, с западной стороны разводили поминальный костер, где сжигали одну чашку еды для покойного. В карман покойного засовывали медные деньги на мелкие расходы. Один из братьев умершего бросал монеты "чир толызы" (т.е. для выкупа земли) на дно могилы,

говоря: "Купишь себе землю!" Перед тем, как заколотить гроб, крышку три раза приподнимали. В это время произносили: "Это твое последнее солнце! Взгляни на небо, где есть луна и солнце!".

Покойного хоронили головой на запад, куда якобы уходили души умерших. Гроб опускали на арканах, которые затем бросались в могилу. Туда же клали мерку для изготовления гроба и доски, на которых мыли труп. Пожилой вдовый мужчина брал в руки лопату и первый три раза бросал землю на гроб, говоря: "Чирин ал!" – Возьми свою землю!" После этого к могиле подходили близкие родственники. Каждой брал по три горсти земли и три раза сыпал её (для мужчины – правой рукой, для женщины – левой) на крышку гроба со словами: "Мы тебя зарываем. Ты уходишь в истинный мир! Не думай больше о нас, но мы будем думать о тебе. Пусть твое место будет благодатным, пусть будет шелком тебе земля. Пусть впереди у тебя дорога будет открытой, а сзади закрытой!"

Возвращаясь с кладбища, нельзя было оглядываться назад, иначе покойник будет преследовать, притянет душу и жизненный век человека станет короче.

Вернувшись с похорон, люди мыли руки, вытирали ноги у входа в юрту и проходили за стол, чтобы отметить последнее торжество человека.

4. ОТ-ТАЙЫГ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ДОМАШНЕМУ ОЧАГУ

Ежегодно хакасы совершали домашнее жертвоприношение огню "от тайыг". Обычно его проводили весной на девятый день новолуния, когда распускаются листья, закукует кукушка и "проснутся" горы и реки. Это жертвоприношение могли возглавлять как шаманы, так и служители белой веры, называемые по-хакасски "пурхан", т. е. святой человек.

Для жертвоприношения необходимо было установить в юрте трехлетнюю березу (пай хазын), которую заносили через дымовое отверстие. Она устанавливалась в почетном переднем углу. Для её освещения ветви украшали белыми и красными ленточками – чалама. В жертву приносили белого барашка с черными ушами и щеками. Вспоров ему грудь, разрывали аорту, проходящую вдоль позвоночника. Кровь нельзя было проливать на землю. Варили переднюю правую сторону туши; легкие и сердце готовились на пару. Горячее мясо клали на поднос, который устанавливали на низком столике "сирее", помещенном под березой. В качестве ритуальной пищи использовали правую голень, правое нижнее ребро, правую часть курдюка, голову, легкие, сердце. Остальное мясо и шкура отдавались тому, кто руководил молением, в качестве награды за его труд. Вокруг очага втыкали девять березовых вертелов. На них нанизывали по три кусочка сала, срезанного с правой стороны курдюка, привязывали по три белых и красных ленточки – чалама. Во время жертвоприношения все домашние обходили три раза вокруг очага

по движению солнца, а руководящий, бросая по три вертела с салом в огонь, произносил молитвы богине От-ине.

В каждой хакасской юрте находился фетиш, посвященный богине огня, который по-хакасски назывался "чалбах-тёс" или "от инези-тёс" (букв. фетиш матери огня). Его изготавливали непорочные девушки под руководством женщины-шаманки. Работая, девушки должны были веселиться и петь песни. В центре квадратного куска белого холста рисовали охрой три человеческие фигуры. Одна из них изображала богиню огня От-ине, вторая – её сестру, богиню Умай, а третья, вероятно, дочь богини огня. Над их головами пришивали "шапки" из кусочков соболиной шкурки, а низ полотнища обшивали парчовыми лоскутками. По бокам с обеих сторон изображали по березе, причем, с правой стороны – вниз кроной: опираясь на неё, приехала в Хакасию (Хоорай) богиня огня. В углу холста прикрепляли маленькое изображение бубна, к которому привязывали маленькую деревянную колотушку (орба). "Чалбах-тёс" за верхние тесемки привязывался к стропилам крыши и находился на мужской половине юрты. Во время жертвоприношения огню его вешали на ритуальную березу. Руководящий молением окроплял "чалбах-тёс" белым молоком, надоенным непорочной девой от белой коровы, окуривал его богородской травой и обращался к нему с молитвой:

Сама-Сама!

Ты появилась из именной Качи (река в районе Красноярска),

Оседлав трехлетнюю рыжую кобылицу,

Опираясь на крону трехлетней березы.

Ты достигла реки Абакан!

Ты стала матерью огня!

Ты имеешь отдых под трехлетней березой,

Ты изображена красной охрой,

Ты имеешь шубу, окаймленную черной парчой,

Ты имеешь шубу, окантованную лапками черного соболя,

Ты имеешь шапку из черного бобра,

Ты носишь одежду из черного сукна,

Ты тридцатизубая мать-огонь,

Ты сороказубая дева-мать!

Сама-Сама!"

Рядом с "чалбах-тёсем" находился фетиш хызыл чалама (красная священная лента) или хызыл тёс (красный фетиш), символизировавший жезл (сабыт) богини огня От-ине. Его делали из длинной березовой развилки, обернутой шкурой косули, и подпоясывали красным кушаком. "Хызыл чалама" служил оберегом трехлетней кроваво-рыжей кобылицы, на которой ездила богиня огня. Во время жертвоприношения огню её, украсив белыми и красными лентами, привязывали к правому косяку дверей юрты. Трехлетняя кроваво-рыжая кобылица (хызырах позырах) в

свою очередь служила оберегом богини огня и называлась "от-ызыгы" (священное животное огня). Её сначала окуривали богородской травой, затем совершали обмывание водой, настоенной на богородской траве. После этого кобылицу три раза обмахивали фетишем "хызыл чалама". В завершение на её круп трижды помещали "чалбах-тёс" и совершали троекратные поклоны. После окончания моления кроваво-рыжую кобылицу отпускали в поле, а "хызыл чалама" возвращали на его постоянное место в юрте. Ритуальную березку относили в лес, где её привязывали вместе с ленточками "чалама" к растущему дереву. Если дома люди не болели, то эту березку могли использовать и три года, и семь лет.

Итак, в мировоззрении хакасов, дух Хозяйка огня, в отличие от многих духов-хозяев гор, рек и других природных явлений, относится к разряду верховных божеств и находится в одном ряду с древнетюркской богиней Умай. При возникновении в эпоху позднего средневековья белой веры "ах-чаян", культ огня был полностью ею принят, хотя приоритет в молениях остался за шаманами. Культ огня является яркой чертой культуры хакасов, что дает нам право назвать их огнепоклонниками Саяно-Алтая.

Глава П. КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ

ЧЫЛ ПАЗЫ *праздник начала года*

Природно-климатические условия Хакасии ещё в глубокой древности обусловили формирование особого хозяйственно-культурного типа - кочевого и полукочевого скотоводства и связанных с ним специфического уклада жизни и культурно-бытовых традиций. В этих условиях сложился особый цикл хозяйствования, ход которого определялся по лунному календарю. Начало этого цикла связано с наступлением весны, что и стало отмечаться как праздник Нового года. Название праздника **Чыл пазы** буквально означает "начало года".

Хакасы пользовались системой измерения времени и пространства, созданной ещё далекими предками тюрко-монгольских народов Южной Сибири. Во времена Кыргызского государства, как сообщали китайские летописи, население с помощью "двенадцати животных считает годы". Год начинался с периода весеннего равноденствия. Весенний Новый год, знаменующий начало новой, обновленной жизни, отмечали многие народы Востока.

Жители одного аала всегда встречали Чыл пазы вместе. Каждая семья, даже самая бедная, по мере своих возможностей усердно готовилась к встрече праздника. Необходимо было справиться и одеть новую одежду.

До начала Чыл пазы на всей территории аала – в скотных дворах, кошарах, у коновязей, вокруг каждой юрты – весь сор, все нечистое тщательно убиралось и выметалось. Юрту внутри и снаружи очищали от снега, грязи и пыли; снимали войлочное покрывало дымохода и проветривали до тех пор, пока не исчезал запах дыма. Выносили из юрты и трясли постель, одежду, обувь и т.д. При этом соблюдалась одна обязательная формальность – оставить возле дверей дома, в углу кошары небольшую соринку, чтобы не вымести свою удачу (улус).

Празднование Чыл пазы начинали с прилета первых птиц, первого кукования кукушки и растягивали до первых раскатов грома.

В день весеннего равноденствия, рано утром, жители аала выходили на ближайшую возвышенность и встречали восход солнца. Необходимо было совершить моление на играющее в утреннем мареве солнце. Почтенный старец произносил молитву:

"Алтын пурлэ Пай хазын

"Златолистая священная береза

Айнаа хурчан турзын!

Пусть опояшется луной!

Кум үс пурлэ Пай Хазын

Серебрянная священная береза

Куннен хурчан турзын!"

Пусть опояшется солнцем!"

Затем возвращались домой. В каждой юрте находились фетиши – изображение почитаемых духов-предков, называемые "тёси". Во время праздника Чыл пазы необходимо было совершить ритуальное кормление семейно-родовых тёсей. Вероятно, в этом обряде отразилось поклонение воскресающим силам природы.

Затем начинался общий, аальный праздничный пир "той". Начинались взаимные визиты и угощения. В каждую юрту, богатую или бедную, надо было зайти, хотя бы ненадолго. Люди обращались друг к другу со словами: "Чыл пазы чылды, чылан киби сойылды" – Пришел Новый год, снялась змеиная шкура". Хозяин, зачерпнув или налив араки небольшой деревянной или фарфоровой чашкой и попросив благополучия для скота, брызгал вино вверх и по сторонам юрты, отливал немного в огонь и выпивал, стряхнув остатки из чашки в огонь. Возлияние огню делалось, впрочем, во всех случаях, при приготовлении любого кушанья: кусочек мяса, жира, масла сбрасывался в огонь. Следующая чашка араки подавалась по очереди каждому из гостей хозяином на мужской половине, хозяйкой – на женской. Одновременно на столиках появляются приготовленное заблаговременно угощение, состоящее из пызлаха, сметаны и чая с печеньем.

Во время первого кукования кукушки – звукового сигнала начала весны – нельзя выходить утром на улицу натошак. Если услышишь впервые её голос натошак, то весь год будешь голодным. Поэтому надо обязательно промолвить: "Мин тохпын". – Я сыт", – и кукушка будет обманута. Южные хакасы, услышав звуки первых кукушек, выходили на кладбище и жгли пищу умершему в прошедшем году. Исходя из этого обычая, можно предположить, что когда-то предки хакасов хоронили останки кремнированных умерших через год, как это делали их предки-кыргызы.

В мае звучали первые раскаты грома, служившие завершающим вестником наступившего Нового года. При первом громае надо было, обежав три раза по солнцу вокруг юрты, окропить небо и землю айраном и произнести: "Элем-Салам!" – Пусть выйдет Старый год, пусть зайдет

Новый год!" Первый весенний гром очищал окружающий мир от нечисти старого года.

ТААН-ТОЙ

праздник прилета первых весенних птиц – галок

В рамках ритуальных встреч Нового года совершали и праздник Таан-той. Когда прилетали первые галки, жители аала высыпали на улицу и окропляли местность айраном. Люди кланялись птицам и произносили: "Элем-Салам таан-пичелер!" – Мир вам, сестры-галки". Девочки хвастались: "Долгую зиму мы не сидели сложа руки. Мы напряли 10 мотков ниток". Мальчики хвалились своими успехами в охотничьем деле и присмотром за скотом. Во время праздника Таан-той все ходили друг к другу в гости.

Магическая функция календарных весенних обрядов выражалась в стремлении при помощи молений сохранить и увеличить хозяйственное благополучие и одной семьи, и всей общины, а также повлиять на процессы плодородия и плодовитости скота. В празднике Нового года лежит обширный пласт языческих верований и элементов первобытной магии.

В празднике ярко отражаются анимистические представления, вера в мифологические существа, тотемистические и т. д. В мировоззренческом отношении праздник Чыл пазы связан, в первую очередь, с молениями небесным божествам. Небо рассматривается как особый мир, где обитало множество божеств, обладающих определенными качествами и функциями. По религиозным представлениям хакасов, им приписывалась функция назначения жизненно важных акций таких, как: возрождение этноса, прочность базы хозяйственного цикла, гарантия личного благополучия и т. д.

УУЧЕ ТАЛАЧАН УЛУКУН

*праздник прихода весеннего тепла и
размораживания заготовленного мяса*

Хакасские скотоводы с осени на весну специально заготавливали мясо, называемое "ууче". Обычно для этого около половины туши коня засаливали в кадке и замораживали вместе с бурдюком масла. В апреле, когда начинал дуть теплый ветерок, называемый "куулгек", заготовленное на весну мясо "ууче" доставали из кадки. Из самых лакомых частей готовили угощение и проводился праздник "ууче талачан улукун". На застолье все поздравляли друг друга с теплом и говорили: "Пришел друг "куулгек" (т. е. весенний ветерок) и мясо "ууче" разморозилось".

Оставшееся мясо отваривали в соленой воде, разрезали на длинные узкие полосы и вялили на солнце.

УРЕН ХУРТЫ

Праздник Урен хурты – основной праздник хакасских земледельцев, посвященный благополучию посева, чтобы червь не погубил зерно. Зарождение плужного земледелия со сложными ирригационными системами относится к периоду Кыргызского государства (VI-XIII вв.). До сих пор остатки старинных оросительных сооружений называются "хыргыз аргылары" – кыргызские арыки или "хыргыз чолы" – кыргызские трассы, а древние пашни "хыргыз тарлаа" – кыргызские пашни. После монгольского завоевания произошел упадок земледельческой культуры. Ко времени присоединения Хакасии к России земледелие сохранилось только в подтаежных районах и было примитивного подсеčno-мотыжного типа.

В посевную страду хакасы придерживались различных суеверных обычаев. С первого дня работы на пашне они не умывались, иначе можно смыть счастье. Запрещалось спать вместе с женой, иначе посев будет с сорняком. Нельзя было делать талкан, иначе зерно будет с сажей и т.д. После завершения посевной хакасские земледельцы проводили праздник Урен хурты.

Все готовились к этому празднику, делали хлебное вино из остатков зерна, вино из перебродившего айрана, хлебные и молочные продукты. В назначенный день люди выходили на пашни, где разводили костры. Руководитель праздника окраплял засеянные поля вином, кланялся небу и произносил слова:

*"Чагыс чайачы худайыбыс, аяп пир
Пістің тараан ас-тамагыбысха.
Надыр пир, сых пир,
Салган тамагыбыс хургабызын,
Ос ползын, тўзімің ползын!"*

*"Верховный бог-творец, пожалей
Наших посеянных семян.
Дай нам дождя, дай нам влагу,
Пусть не постигнет их засуха,
Пусть колосья будут высокими,
Пусть урожай будет богатым".*

Все присутствующие на празднике вторили старцу, повторяя его слова. Становились на колени: мужчины – на правое, женщины – на левое и кланялись. Далее руководитель обращался к земле, просил духа-

хозяина пашни оградить молодые побеги от уничтожения вредными насекомыми и дать хороший урожай. Затем он читал заклинание:

"Пусть на посеянной пашне образуются камни!

Пусть посева съест кобылка!

Пусть вырастает хлеб с колосом менее четверти!

Пусть вырастает хлеб с корнем менее горсти!"

Вероятно, от подобного заклинания ждали противоположного результата. В конце ритуала, после окончания крапления, старец производил гадание – "тöрик", бросая через плечо чашку с ложкой. Если данные предметы падали емкостью вверх, то это предвещало хороший урожай, и все кричали: "Ах тöрик!" (букв. белая судьба). Но если они падали вверх дном, то народ с сожалением восклицал: "Хара тöрик" (черная судьба). До тех пор, пока не совершится гадание "тöрик", за стол не садились. После ритуальной части, собравшиеся на поле потчевали друг друга вином со словами: "Урен хуртын тайна". – Жуй зернового червя!".

ТУН-ПАЙРАМ *праздник первого айрана*

У хакасского народа видное место занимает скотоводческий праздник **Тун-пайрам**, проводившийся в степных районах Хакасии. Тун-пайрам – это праздник первого айрана (кислый напиток, приготовляемый из перебродившего коровьего молока). Он проводился обычно в конце мая – начале июня, после перекочевки скотоводов с зимника на летник. В это время перезимовавший скот поправлялся на первом зеленом корму и появлялись первые молочные продукты. Праздник Тун-пайрам был связан с почитанием скотоводства – основы традиционного хакасского хозяйства.

К этому празднику готовились заранее. Заводили первый айран, готовили первые молочные продукты, шили новые национальные платья. В определенный день жители нескольких аалов собирались утром на ближайшей горной вершине, где устанавливались березки, коновязь, и разводили большой костер. К коновязи привязывали ритуального коня, называемого по-хакасски – "ызых". "Ызых" освящался и считался хранителем благополучия скота. Почтенный старец подходил к коню, мыл его молоком, окуривал богородской травой "ирбен". К хвосту и гриве привязывали ленточки красного и белого цветов, а коня после этого отпускали на волю, сняв уздечку. Выборный старец краплением айрана на ритуальные костер, березки, коновязь благословлял небо, землю и желал, чтобы скот и молочные продукты не переводились у скотоводов.

После ритуальной части устраивались спортивно-массовые мероприятия. К ним относились конные скачки, соревнования по силе и ловкости. Победителей щедро угощали айраном и аракой (молочная водка, перегнанная из айрана).

Первый айран и первая арака считались лекарственными напитками. Поэтому во время праздника их нельзя было проливать на землю.

По обычаю вся приготовленная первая молочная пища должна быть съедена во время праздника. Оставлять её на следующий день запрещалось. После ритуальной части, как было сказано выше, устраивались спортивно-массовые мероприятия. Большой популярностью у хакасов пользуется борьба (күрес). В борьбе (күрес) существуют определенные правила.

Соперники делятся по весовой категории. Сначала на поле выходят борцы легкого веса, которых постепенно сменяют все более сильные и ловкие. Борцы-соперники выходят на поле с разных сторон, обвязанные поясом (хур). Они подходят друг к другу и каждый из них дает возможность своему сопернику схватиться руками за пояс (хур). Судья дает сигнал и начинается схватка. Обычными приемами борцов являлись: захваты ног, бросок через левое или правое бедро, броски через голову в положении "полулежа" (прогибом) и т. д. При проведении борцовских приемов борцы не должны выпускать из рук пояс (хур) соперника. Победителем считался тот, кто положит на спину или на четыре конечности своего соперника. Первый раунд заканчивался, когда все пары сразятся по одному разу. Судьи разбивают всех победителей на пары и начинается второй раунд. Все повторяется сначала. Наступает момент, когда в каждой весовой категории выявляется победитель. Победителей щедро угощают айраном, вручают награды.

Стрельба из лука – второй вид спортивных игр. Меткость в стрельбе – качество, ценившееся в хакасском обществе и в мирное время, и в военное. И в древности, и в наше время многие скотоводы были одновременно и охотниками. С появлением огнестрельного оружия стрельба из лука, как военное искусство, стала исчезать и сохранилась лишь как вид спорта.

Однако самая популярная часть праздника – это конные скачки (чарыс). Почти каждый сельский житель прекрасно разбирался в лошадях и мог отобрать наиболее пригодных для участия в скачках коней.

Существовали строгие правила проведения скачек. Устраивались несколько заездов. В первом из них участвовали лошади-двухлетки, во втором – трехлетки, в третьем – четырехлетки, в четвертом – пятилетки, в пятом – все остальные возрастные категории, начиная с шестилеток. В шестом заезде бежали только жеребцы (чорға), в седьмом – только иноходцы (сайбыр).

Дистанция заезда – от 3 до 10 км. Старт находился вдали от места проведения праздника, но финиш всегда в центре, и всегда возле него толпились сотни зрителей, ждавшие исхода скачек.

Специальные лица отвечают за порядок на скачках: они определяют, какая лошадь и какой седок пришли первыми. Они же дают звания лошадям-победителям в заездах. Всадников-победителей угощают айраном, вручают призы: скот, деньги и т. д.

Ещё один вид состязания в силе – это поднятие камня (хапчаң тас). Он весит около 80 кг. Состязание проходило по установленным прави-

лам: поднять камень до пояса, сделать приседание, подняться в полный рост и перекинуть его через плечо. Победителем этого состязания считается тот, кто больше всех по количеству раз проделает это упражнение. Победитель угощается айраном, аракой и получает специально установленный для этого вида состязаний приз.

На празднике Тун-пайрам звучит музыка различных музыкальных инструментов: чатхан, пыргы, хомыс, тюрлө, хобрах и т.д. Со всех аалов съезжаются на конкурс мастера тахпах. Победителем конкурса среди тахпахчи (исполнителей тахпах) считается тот, чей тахпах продолжительнее и остроумнее.

УРТУН-ТОЙ *праздник урожая*

Осенью, после жатвы, устраивали праздник урожая Уртун-той. Из молодого зерна готовили хмельной напиток "поза" и перегоняли его на водку (тун арага). Застолье устраивали прямо на току, сидя за маленькими хакасскими столиками. Под руководством почетного старца совершалось крапление водкой в сторону окружающих гор и читалось благословление земле. Во время уборки урожая на краю пашни оставляли пучок несрезанных колосьев под названием "хыра улүзи" (доля "духа-хозяина пашни"). На празднике их торжественно завязывали цветными ленточками. Обряд посвящали духу-хозяину пашни за полученный урожай.

АЙРАН СОЛЫНДЫЗЫ *праздник последнего айрана*

После перекочевки на зимник хакасы отмечали праздник последнего айрана – Айран солындызы. Его проводили, когда закончат заготовку дров на зиму. Как правило, Айран солындызы отмечали 1 октября.

Для праздника готовили араку из последнего айрана. С раннего утра собирались сначала у самого уважаемого человека в аале. Затем целый день гуляли, переходя компанией из юрты в юрту. Айран солындызы посвящался проводам "умирающей природы".

Глава III. ПРОМЫСЛОВЫЕ ПРАЗДНИКИ

АБА-ТОЙ *медвежий праздник*

Согласно хакасским представлениям, медведь является дальним родственником человека. После его добычи охотники обязательно устраивали поминки, называемые "аба той" – медвежий праздник. Без совершения той нельзя было употреблять в пищу медвежье мясо, иначе человек расплатится жизнью. Легкие и внутренности вообще не ели, за исключением прямой кишки, из которой делали колбасу – "хосханах". В том случае, если съесть печень, то у человека заносит душа, словно погиб близкий родственник. Несоблюдение поминок "аба-той" может оскорбить духов "таг ээзи", которые считаются хозяевами тайги.

Почитание медведя выражалось прежде всего в том, что хакасы оберегались (особенно в тайге) называть его настоящим именем и применяли иносказания. Древнетюркский термин "азыг" в хакасском языке давно был заменен эвфемизмом "аба", т. е. отец, а старое название сохранилось в застывших выражениях типа "азыг айы" – месяц медведя (февраль). С течением времени термин "аба" внедрился настолько глубоко, что стал общим названием медведей, которое подвергается иносказаниям: "ага" – дедушка, "улуг ага" – прадедушка, "абай" – старший брат, дядя, "апчах" – старик и т.д. Медведю приписывается наличие чувства стыда. Женщины при встрече с ним должны были обнажиться, тогда медведь убежит, сгорая от стыда и срама.

Охотились на медведя зимой в январе, когда он крепко спал в берлоге. Обнаруженное логово охотник метил своей тамгой. По хакасским законам, другой человек не имел права захватить меченое место. Отправлялись к берлоге артелю. Для того, чтобы разбудить медведя, во вход логова просовывали специальный шест "сыгдаган". В этот момент старший артели проиносил: "Китайское войско идет убивать тебя. Закрывай

свои двери, черная покорность". Указанными словами снимали подозрение с хакасских звероловов. После того, как медведя убьют, его, вытащив из берлоги, клали навзничь и под голову подкладывали подушку из травы. Один из охотников садился на него верхом, гладил голову и причитал:

"О, великий отец! Зимой ты заходишь в зимник.

О, великий отец! Летом ты переходишь в летник.

По горам, треща заросшими дудками, ходившие твои лапы,

По горам, хрустя заросшим таволжником, ходившие твои подошвы

С крутой скалы оборвались. О, великий отец!

У-у, если будет лето, то обходи сзади меня.

У-у, если будет зима, то попадайся впереди меня!

Корни травы таежной раздавливающий,

Ты будешь хрустеть на 30 моих зубах!

Верхушки борщевика со вкусом жующий,

Ты будешь хрустеть на 40 моих зубах!

О, что случилось с тобой, великий отец?

Не сильно ли выстрелили, не сильно ли попали?

Не упал ли ты навзничь, играя, не упал ли набок, гуляя?

Не остался ли без тебя лежать твой малыш?

Не остался ли без тебя сидеть твой сирота?

Почему ты вышел в степи Хоорая без присмотра?

Великий отец! Ты погиб, выпив вино (т.е. получив пулю) крупного бая.

Ты гулял по многим местам, ты попал в руки людей.

Траву черной тайги больше не топчи,

Ложись, отдыхай и спи, великий отец!"

Затем начинали обдирать шкуру. Её обязательно снимали в тот же день, даже при наступлении темноты. Разводили костер и сначала молились "хозяйке огня". Охотник, убивший медведя, причитал: "Наш отец опьянел и уснул". До тех пор, пока не совершат оплакивание, нельзя снимать шкуру. При обдирании приговаривали: "Мы снимаем с тебя теплую шубу. Не обижайся на нас. Мы раздеваем тебя, ты виноват сам и не сердчай на нас". Начинали обдирать с лап. Голову отрезали, а зубы выбивали. Голову с плачем водружали рядом на развилку дерева в сторону заката солнца со словами: "Дедушка, вышедший из глухой тайги, ты был хорошим человеком!". Рот открывали и поперек вставляли палку.

После снятия шкуры два охотника становились с двух сторон туши и, приговаривая, стегали прутьями голое тело: "Не мешай нам, не гневайся на детей, не гонись за нами, не появляйся среди аала!" Один из них спрашивал: "В каком государстве ты правишь?". Второй отвечал: "В этом государстве он правит. Не мы его убили, его убил китайский хан!".

Когда тушу медведя увозили из тайги, по дороге трижды крестнакрест бросали прутья, чтобы душа не погналась и задержалась у этих

знаков. Дома устраивался медвежий праздник. Люди причитали: "Провожаем нашего великого отца! Умер наш отец!" или, если была убита медведица, "Умерла наша мать!". Всю ночь играли на хомысе, рассказывали сказки, пили вино. Кормили душу медведя (сурун) сжиганием пищи в огне, словно на поминках усопшего. Ночью нельзя было спать. Верили, что душа медведя может задавить человека. Кости все собирались и захоронялись.

Медвежье сало разрезали на куски и делили между всеми жителями аала. Некоторые охотники глотали сырыми глаза. Хакасы верили, что медведь не решится прямо смотреть на такого охотника и будет бояться его взгляда. Некоторые мужчины проглатывали хрящик у основания медвежьего языка со словами: "Если я буду говорить, то понимай мой язык!" Считали, что речь такого человека будет доходчива до медвежьего уха. Кусочки языка давали зайке или припадочному, чтобы их болезнь прошла. Женщинам предлагали съесть матку медведицы, дабы стали легкими роды. Шкуру медведя не выдывали, ибо у мастерицы ребенок станет злым. Если шкуру потрясти на улице, то появится ветер. Лапу с когтями привязывали у дверей, чтобы оградить дом от злых сил. Медвежья желчь обладала якобы магическими свойствами. Если ее вылить на землю, то будет дождь или снег. Когда поднимался буран или снежные вихри, то хакасы были уверены, что загуляли "аганы" (т.е. медведи) перед залеганием в берлогу.

Медвежий праздник возник под влиянием представлений о кровной связи людей с медведями и их общих предках. Совершение поминок снимало запрет на употребление в пищу его мяса.

АЛБАГЫ-ТОЙ *соболиный праздник*

Каждый добытый в тайге соболь торжественно отмечался охотничьей артелью. Глава артели "одаг-пазы" по этому случаю готовил ритуальный напиток "абыртхы" и угощал виновника события.

Во время таежного праздника Албагы-той специально готовился "саламат" – каша из талкана, заправленная маслом. Празднование "албагы-той" проводили вечером в балагане. Охотники играли на хомысе (музыкальном инструменте) и рассказывали героические сказания.

ТУНДЖУХ-ТОЙ *праздник по поводу добычи 100 белок*

Согласно представлениям хакасских охотников, сто белок по цене равнялись одному соболю. Поэтому, когда охотник набивал сотню белок,

то отмечался праздник Тунчух-той, идентичный соболиному празднику. Иногда данный праздник называли "пиршество одной связки" (тізіг-той), ибо в одной связке охотника насчитывалось 100 белок.

ИРБЕН ЧУЛЧАН УЛУКУН

праздник заготовки богородской травы

Богородская трава (ирбен) у хакасов считалась самым первым лечебным средством. Её заготавливали в конце июня-начале июля на новолуние. Каждая семья держала в юрте богородскую траву на все случаи жизни. Заготавливать её отправлялись рано утром. Перед тем, как срезать первые стебли, становились лицом на восход солнца и кланялись. Нарвав достаточное количество богородской травы, клали вместо неё белую шерстинку или серебряную монету и благодарили: "Мы тебя почитаем! Дай нам исцеление! Дай нам здоровье!"

После возвращения домой окуривали юрту новой богородской травой и устраивали застолье.

ПАЛЫХ-ТОЙ

праздник по поводу добычи осенней рыбы

Осенью хакасы, проживающие в долине р. Абакан, отправлялись на конях рыбачить на р. Хан-Тегир. Она славилась жирными хариусами. Рыбачили до ледостава. Подсолённый хариус на месте замораживали в выдолбленных колодах. В декабре на конях поднимались за рыбой по льду Енисея и привозили домой. Одна лошадь тянула по три колоды. После привоза рыбы в аале делали общее угощение.

Глава IV. ОБЩЕСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ

ТИГИР-ТАЙЫГ *жертвоприношение небу*

Моление небу хакасы, подобно древним тюркам, устраивали ежегодно. Небесное жертвоприношение совершалось на новолуние в июне. Целью его было испрашивание урожая травы, увеличение поголовья скота и удоев молока.

Каждая семья к назначенному дню готовила молочные продукты – айран, кумыс, сыр, сметану. Сверх того 7 или 9 очередных семей поставляли соответствующее количество баранов, причем один из них, предназначенный для жертвы, должен быть белой масти с черной головой. Накануне или в день жертвоприношения утром в каждой семье готовилась повязка с орлиными перьями – "улдүрбе". "Улдүрбе" могут делать только мужчины, женщины не должны к ней прикасаться. Обычно глава семьи или один из сыновей вил из льна веревку требуемой длины, чтобы ею можно было обвязать головной убор. К веревке привязывались пучки, составленные из орлиных перьев и белых и синих лоскутков материи. Хакасы верили, что духи сами присылают орла, который должен быть убит. Если же никто из жителей аала не убил орла, то для этой цели приобретали его в другом селении. Перьев к веревке должно быть привязано столько, сколько в семье душ мужского пола, но не менее трех. Если желали, чтобы в семье родился мальчик, то привязывали лишнее перо. Веребочка с пучками перьев привязывалась вокруг головного убора так, чтобы перья были направлены вверх, а лоскутки свешивались вниз. Эту эффектную повязку надевали на головной убор в момент выезда на моление, предварительно окурив её богородской травой (ирбен). Не отделившиеся от родителей взрослые сыновья повязки не делали. Женщины и дети оставались дома, они на жертвоприношение не допускались.

В день моления мужчина, назначенный для доставки жертвенного животного, рано утром выезжал из дома. Он должен был по обычаю первым прибыть на место моления и сразу же развести священный огонь. На вершине горы он подъезжал к растущим березам, расседлывал лошадь, расстилал чепрак (кичим) и клал на него свою шапку с повязкой, затем разводил костер около берез, где совершалось моление. Огонь добывался обязательно огнивом. Неподалеку от главного огня (улуғ от) делался второй – "малый костер" (кічіг от). Первый костер предназначался для жертвенного животного, второй – для варки мяса остальных ягнят, закалываемых на молении для ритуальной трапезы. Вскоре начинали появляться участники моления. Каждый домохозяин, приехав, снимал шапку с повязкой и клал её на чепрак к головному убору кострового. Заезжать на гору можно было только на жеребцах или меринах. Прибывшие на кобылах оставляли их около горы и поднимались пешком или к кому-нибудь подсаживались.

Прибывшие мужчины садились южнее малого костра. Все были без шапок. Каждый своим айраном или кумысом брызгал во все стороны. Затем приступали к закалыванию ягнят. Жертвенного ягненка умерщвляли древним способом, вспоров грудь и разорвав аорту. Мясо жертвенного ягненка варили на главном костре, других – на малом. Сварившееся мясо жертвенного ягненка клали в отдельное блюдо (тепси). Во время варки мяса один из мужчин, знавший слова обращения к Небу, подходил к связкам "улдурбе" и прикреплял их к веревке – "чиле-паг" (льнянная веревка длиной до 7 сажений, свитая мужчинами для небесного жертвоприношения). Она окуривалась дымом богородской травы (ирбен). Затем один конец её привязывали к крайней восточной березе, а второй — брал специальный человек. Восточнее малого костра ставили бочонки с жертвенной аракой (по бочонку от каждого домохозяина), к которым приставлялся также особый человек. Позади человека с "чиле-паг" (чиле-паг тутчаң кізі) становились двое мужчин с блюдом "тепси". Руководитель моления (алгысчыл) произносил слова обращения к небу, а стоящий рядом у жертвенного вина брызгал им вокруг из берестяной ложки. Мужчины, держащие блюдо, поднимали вверх дымящееся мясо, а стоящий с "чиле-паг" приподнимал веревку и помахивал ею, как опахалом. Все кланялись. Руководящий молением старец "алгысчыл" называл по имени выдающиеся горы и реки, поворачиваясь с востока на юг, затем на запад, север и опять на восток. Постепенно, передвигаясь по направлению солнца, возносили моление каждой горе, каждой реке, не только тем, которые видны, но и тем, на которых бывали во время охотничьих скитаний. Для всех них поднимали вареное мясо и разбрызгивали айран. Голоса молящихся сливались в дружном продолжительном возгласе: "Тээр". В эти звуки вкладывали столько чувств, что как-будто духи самого Неба и са-

мых отдаленных вершин должны услышать их. После чествования Неба и угощения гор и речек мясо ягнят съедали, араку выпивали, а мясо жертвенного ягненка вместе с внутренностями, шкурой и костями сжигали на большом костре без остатка. "Чиле-паг" привязывали между четырьмя березами.

После моления мужчины задерживались и обсуждали, кому на следующий год готовить жертвенного ягненка и раскладывать жертвенный огонь на горе. Когда останавливали свой выбор на определенном лице, ему наливали и подносили большую деревянную чашу араки, которую он выпивал.

Затем собирали остатки костей и внутренности ягнят, ветки березы, на которых резалось мясо, и сжигали на большом огне. После поклонов вставали на колени и произносили слова: "Возьми твоего белого барана, дай твое счастье (благополучие)". Оставшуюся часть араки выпивали особенно бережно: в виде араки, по их мнению, они забирали то счастье, которое дают им духи. Этим заканчивалось жертвоприношение.

Молитва при небесном жертвоприношении

Ради жизни, чтоб не прекращалась!
Ради юрты, чтоб не разрушалась!
По обычаю великих предков,
Мы кланяемся нашими плечами,
Нашими кланяемся головами!
Пусть достигнет сказанное Неба,
Нашего единственного Бога –
Белого Творца всего живого!

По обычаю отцов и дедов,
Обращаюсь я к тебе, Береза,
Что корой серебряною блещешь
И звенишь листвою золотою,
Что имеешь девять разветвлений
На своей верхушке комковатой!
Выкопав тебя из почвы черной,
Мы, ни корешка не перерезав,
Привезли сохранной на вершину
И вкопали, где стоишь ты нынче,
Над тасхылом белым возвышаясь.
И тебе мы нынче присягаем
Головой одной, двумя плечами!
Да услышат сказанное нами
В Небе и за небесами тоже!
Пусть дойдет все сказанное нами
До самих богов-творцов небесных!

Вот ягненок белый, чернощекий!
Правую ему согнувши ногу,
Мы три раза вокруг тебя обносим
Жертву нашу, что освободили
От кишок. Дойдет ли эта жертва
До богов? О, Бог Великий – Небо!
(Народ произносит громко "тэр", поднявши обе руки к небу).

Ради жизни и жилища ради!
Ради трав, что покрывают землю!
Ради пищи для скота и люда!
Ради хлеба, что посеян русским,
Чтобы выросал другим на радость!
Кланяемся мы тебе, о Небо!

Чтобы ветры не терзали землю!
Чтобы нас несчастье обходило!
Чтобы травы поднимались гуще!
Чтобы щедрый дождь спускался с неба!
Просим мы! Пусть просьбу все услышат
Девять ярусов небес священных!
Пусть услышат сказанное нами
Девять небожителей великих –
Девять Старцев! Бог Великий – Небо!
Ради силы, что не умирает,
Ради счастья, что не покидает,
Просим, как велит обычай предков!
Просим, чтобы сам Кудай услышал!
Чтобы наши головы седели,
А тела бы юными остались!
Чтобы зубы жеребцов желтели,
А тела бы крепкими остались!
По обычаю далеких предков,
Под святой Березой, что имеет
Вечный ствол и золотые листья,
Жертву нашу мы богам приносим –
Белым божествам её подносим!
Здесь вот, на земле извечно черной,
К основанию святого Неба
Мы приносим жертву, чтоб жил бы
Краснотелый люд черноголовый,
Созданный Великим Небом, чтобы
Ползать, как червяк, и жить землею!
Пусть же нашу жертву примут боги –
До любого, кто живет на небе,
Пусть дойдет, о Бог Великий – Небо!

ТАГ-ТАЙЫГ *горное жертвоприношение*

Праздник горного жертвоприношения Таг-тайыг обычно проводился летом, когда поспевала черемуха. Этот праздник проводили на вершине почитаемой горы один раз в три года.

Каждая семья к назначенному дню готовила араку (молочную водку), отбирала жертвенных ягнят.

В назначенный день члены определенного рода на конях и телегах направлялись в сторону священной горы: везли котлы, воду, заготовленные дрова для разведения костра, бочки с аракой, жертвенных ягнят. С ними ехал и шаман во всем облачении и с бубном (түүр).

Поднявшись на гору, люди, взяв в руки священные ленточки "чалама", подходили к березе и привязывали их к веткам. Затем приступали к закалыванию жертвенного ягненка. Животное клали спиной на землю, быстро вспарывали грудь и рукой разрывали аорту. Надо сказать, что всем этим занимались только мужчины. Когда сварится жертвенное мясо, бразды правления праздника брал в свои руки шаман. Доставить жертву горным духам может только шаман. Он при камлании просил у горных духов родовых гор здоровья, счастья, большого приплода скота, многих лет жизни.

После камлания шамана люди приступали к вкушению сваренного мяса, пили араку. Каждый думал о том, что у него будет расти здоровый скот, будут здоровы все дети, все были проникнуты оптимизмом. Ближе к вечеру оставшееся мясо, кости, внутренности собирались и бросались в костер. Домой ничего не увозили, кроме шкур ягнят. Шкуру ягненка, принесенного в жертву, оставляли возле костра. Затем разъезжались по домам – праздник на этом заканчивался.

СУГ-ТАЙЫГ *жертвоприношение водной стихии*

Вода – источник жизни. Вода для хакасов была священной. Согласно поверью, каждая река имела духа-хозяина (суг ээзи). Хакасы ежегодно отмечали праздник жертвоприношения воде Суг тайыг. Праздник проводился после таяния льдов, после прошедшего половодья, когда помутневшие воды становились чистыми.

Подготовка к празднику была такой же, как на Таг тайыг. В празднике принимал участие шаман, который осуществлял связь людей с духом-хозяином воды (суг ээзи). Отличие состояло в том, что моление проводилось на берегу реки или в истоках ручья. В жертву речному духу приносили бычка черной масти. Строили плот, привязывали к нему

жертву и отпускали по течению реки. Считалось, что хозяину воды такая жертва угодна и он её должен принять.

Отрывок из молитвы речному духу-хозяину:

*Заколовши трехгодовалого черного бычка,
Согнувши ему четыре ноги,
Мы положили его на плот из девяти бревен,
Мы пустили его вниз по текущей воде
В качестве твоей жертвы.
Мы просим милости пасомым стадам
И защиты черноголовому народу!*

АДА-ХООРАЙ

праздник, посвященный памяти предков

20 августа 1727 года, согласно Буринскому пограничному трактату Кяхтинского мира, территория Хакасии была официально присоединена к Российской империи. В связи с этим событием бывшая государственность Хонгорая (Хоорая) перестала существовать.

Впервые общественное моление Ада-Хоорай, посвященное памяти предков и возрождению государственности, состоялось 3 августа 1991 года.

Название нового праздника произошло от имени мифического Хоорай хана – последнего легендарного правителя Хакасии, останки которого якобы покоятся на горе Хансын, в верховьях Абакана. Согласно мифам, Хоорай хан (т.е. Хакасский царь) в последний день мира придет к нам с мессией и спасет свой народ от гибели.

Общественное моление Ада-Хоорай – это поклонение родной земле и предкам, основанное на древних обрядах и ритуалах. Место проведения его было выбрано на священном перевале Уйтаг (в 65 км от г. Абакана по Аскизскому шоссе). Здесь в честь предков был поставлен пятиметровый обелиск "кӱзее", сверху которого вырезаны личина и солярный знак "кӱн таңмазы". Солярный знак, дошедший до нас со времен Окуневской культуры (2 тыс. лет до н. э.), характерен практически для всех каменных изваяний, без которых невозможно представить Хакасию. Солярный знак изображен теперь на официальном флаге и гербе Республики Хакасия.

На обелиске вырезаны руническим письмом с транскрипцией на русской графике имена легендарных предков, павших за независимость своей Родины. Одним из первых среди них идет имя Барс-бега, первого кыргызского кагана, погибшего в битве с армией Тоньюка в 711 году. Надо отметить, что барс, как и волк, считался тотемным животным тюркских народов и выступал покровителем Кыргызского государства. Среди исторических личностей упоминаются князя Алдайар, Оребег Дигин и

Идей-Инал, вступившие в неравную борьбу против монгольских полчищ в 1207 году. В эпоху позднего средневековья за свободу Хакасии сложили свои головы князья Иренак, Шанды, Шорло Мерген. Заканчивается список фамилиями людей, погибших при коммунистическом режиме. Согласно хакасскому обычаю почитания солнечного светила, обелиск повернут личиной на восход.

Праздник Ада-Хоорай проводится 3 июля, в день образования Республики Хакасия, в день, когда хакасская земля обрела свою государственность.

Накануне праздника каждый человек готовит ленточки белого, синего, красного цветов (чалама).

Женщины флажки "чалама" прикалывают к левой стороне груди. Кроме того, женщины занимаются подготовкой кухонной утвари для пищи (казанов, ложек, кружек), приготовлением национальных блюд (пичиро, пызылах, талган, айран, арака). За день до проведения праздника инициативная группа из мужчин занимается заготовлением дров для разжигания костра и подготовкой места для очага. На другой день инициативная группа ранним утром доставляет на вершину священной горы жертвенного барана белой масти с черной головой, воду, подставку для skóry жертвенного барана (чахы), казан, ножи, тазы для внутренностей и крови барана, деревянные чаши для мяса (тепси) и т.д. Приготовив все это, они спускаются к подножию горы, куда начинают прибывать люди, одетые в национальную одежду.

Звуки "пыргы" (национальный музыкальный инструмент) извещает о начале праздника. Собравшийся народ движется в сторону священной коновязи "алтын сарчын", прихватив с собой айран, араку, ирбен, пиалы, 9 шампуров с салом и другие блюда. Праздничную процессию возглавляет всадник, который держит в руках национальный флаг зеленого цвета с изображением солярного знака. За ним идет руководящий молением "алгысчыл", который держит в руках жезл-сабыт.

За "алгысчыл" идут девять парней с бубнами и горнист с "пыргы". Парни бьют в бубны в такт движению, и звук бубнов сливается со звуками пыргы. Вслед за парнями идут семь девушек, которые держат в руках пиалы, наполненные аракой или айраном. За этой группой движется весь собравшийся народ. Во время движения "алгысчыл" читает благословения, вся праздничная процессия вторит ему, громко восклицая: "Тээр".

Добравшись до священной коновязи (алтын сарчын), собравшийся народ обходит её и становится вокруг неё. Всадник привязывает коня к коновязи. Группа, состоящая из девяти парней и семи девушек, во главе с "алгысчыл", троекратно обходит вокруг коновязи и окропляет "алтын сарчын" айраном.

Затем вся праздничная процессия, взяв в руки по камню, поднимается на гору. На горе камни бросают в одно место. Насыпается священная насыпь "обаа". В эту насыпь воткнуты три шеста, имеющие каждый флажок белого, красного и синего цветов. Перед "обаа" зажигается священный огонь "улуг от", где "алгысчыл" благославляет богиню огня От инезі и воскуривает "ирбен". Каждый из присутствующих обмахивает "чалама" над огнем и торжественно привязывает к шестам на "обаа". Семь девушек, держа в руках пиалы, кладут "ирбен", подходят к огню и кладут в пиалы ещё горячие угольки. С дымящимся "ирбеном" девушки три раза обходят вокруг "обаа" и огня. Читается благословление.

Все, держа руки за спиной, три раза наклоняют голову в сторону огня и "обаа". Затем знаменосец устанавливает на "обаа" хакасский флаг "Хоорай чаламазы" на памятный столб "көзее".

Весь народ собирается с западной стороны от обелиска "көзее" около насыпи "обаа". Женщины находятся с северной стороны от мужчин. "Алгысчыл" и девять парней обходят три раза вокруг обелиска "көзее". Читается молитва, а 2-3 парня в такт бьют в бубны. Остальные по возгласу "тээр" брызгают айраном, аракой, пызылахом на обелиск "көзее". При каждом восклицании "тээр", стоящие с поклоном люди поднимают обе руки вверх и восклицают: "Тээр!". После обхода все преклоняют колени по команде "Хурр!". Молящиеся поворачиваются лицом к востоку, мужчины становятся на правое колено, женщины – на левое, руки держат за спиной и троекратно делают поклоны предкам. Все при каждом поклоне негромко говорят: "Хурай, хурай, хурай!". В это время в такт бьют бубны.

Второй обход ритуального места сопровождается обходом жертвенного барана на трех ногах. На правую переднюю ногу одевают кольцо. Молится народ так же, как и в первый раз. После этого баран режется ритуальным способом.

Группа парней приступает к снятию шкуры. Оставляют голову и переднюю правую ногу и заднюю левую ногу вместе со шкурой. Все это укрепляют, кладут на специальную подставку "чахы" лицом на запад. Далее баранину разрезают на куски по суставам, не ломая кости. Ставят казан на ритуальный огонь, где варится мясо барана, принесенного в жертву. Его кровью окропляется основание обелиска "көзее".

Когда сварится мясо (соль не кладется), совершается последний третий обход вокруг "көзее". Идущий впереди "алгысчыл" обращается с молитвой к предкам. Парни бьют в бубен, девушки несут чашки (тепси) с мясом и брызгают айраном. При возгласе "тээр" одновременно раздаются звуки пыргы. Народ поворачивается лицом к востоку, все падают на колени и произносят: "Хурай, хурай, хурай!".

После молитвы каждому из присутствующих дают по куску мяса из блюда "тепси". Все принимаются за трапезу.

После трапезы остатки еды, кости, требуха кладутся в огонь. Все образуют громадный круг и совершается ритуальный танец "Ада-Хоорай пазыри". Все в такт передвигаются по кругу по солнцу. "Алгысчыл" в середине поет и все подхватывают. Двигаются по солнцу три раза. После этого "алгысчыл" бросает чашу с ложкой на землю. Если она упадет вниз дном – это означает счастливое окончание моления, и все восклицают: "Алтын төрiк"!

Все участники праздника спускаются к подножию горы Уйтаг, где продолжается трапеза. Люди делятся своими мнениями, обсуждают насущные проблемы, говорят о перспективах, о том, как сохранить свой язык и возродить свой этнос.

РОДОВЫЕ ПРАЗДНИКИ

В течение XVIII-XIX вв. у хакасов, помимо административно-родового деления, бытовала традиционная форма социально-этнического разделения по сеокам. Образование многих из них произошло задолго до вхождения в состав России. Сеоки (сёбк – букв. кость) вели свою генеалогию по мужской линии и обычно отождествлялись с кровно-родственным родом. Население Хакасии разделялось более, чем на 150 сеоков. Изучение родоплеменного состава хакасов имеет важное значение для выяснения вопросов их этногенеза и этнической истории.

Эти кровно-родственные единицы являются главными элементами этнического сообщества. Родовые группы регулируют отношения как отдельных индивидов к этносу в целом, так и семейных коллективов между собой.

Род, согласно утверждению советско-партийной системы — являлся пережитком патриархально-родового строя, тянущим хакасское общество в далекое прошлое.

Однако всплеск родовых праздников по-новому осветил значение рода в современном обществе народов Саяно-Алтая. Живучесть родового сознания у хакасов объясняется этническими особенностями. Именно род (сеок) и фамильные группы сохраняют этнос, не дают ему исчезнуть в индустриальном обществе.

Хакасские родовые праздники способствуют восстановлению национальной традиции; познанию истории своих предков; выяснению генеалогического древа, родовых священных мест. Благодаря родовым праздникам, человек начинает осознавать заложенную в подсознании принадлежность к этносу в целом и к определенному роду в частности.

Чем больше человек узнает о корнях своего рода, тем тверже и увереннее он будет стоять на земле.

Участие в родовых праздниках дает человеку ощущение защищенности от бытовых, материальных и моральных проблем и поддержку, потому что в каждом роду есть старейшины, которые дают мудрые советы.

Движение родовых праздников в Хакасии началось в конце 80-х – начале 90-х годов. По сути, это было даже не родовое движение, а семейное. Первыми в этом движении были Абдины и Абумовы, затем этому примеру последовали Угдыжековы, Котожековы, Майнагашевы, Чаптыковы, Челтыгмашевы, Боргояковы, Канзычаковы и другие.

Примерно за полгода до проведения праздника собирается оргкомитет. Обсуждаются вопросы о месте проведения праздника и дате. Для проведения родового праздника используется культовое традиционное место. Назначается праздник обычно в летнее время на полнолуние. Ответственные заранее приводят в порядок место праздника; приобретают необходимые атрибуты для родового жертвоприношения (тайыг). Оргкомитет назначает ответственных за составление генеалогического древа рода в историческом аспекте; информацию об исторических родовых связях с другими родами, исторических предках-личностях, прославивших род, о взаимопомощи между членами рода в хозяйственных делах.

Дата, время и место проведения родового праздника сообщается через родственников и прессу.

В назначенный день участники праздника прибывают на место. Надо отметить, что съезжаются не только родовичи, но и люди, связанные с ними родственными узами.

Праздник начинается со всеобщего собрания. Выбирается председатель собрания и составляется регламент. Затем выступают аксакалы с информацией об исторических корнях рода, генеалогическом древе и т.д. Надо отметить, что молодое поколение всю информацию записывают в летописях. На собрании каждый член рода представляется, информирует о месте своего проживания, роде занятий, семейном положении.

Родовое собрание учреждает родовой фонд, целью которого является оказание материальной помощи в учёбе одаренным детям, остро нуждающимся, многодетным семьям и т.д.

В конце родового собрания проводятся выборы в Совет рода. О функциях и полномочиях Совета рода решает родовое собрание. Следует отметить, что основной функцией Совета рода является организация и проведение последующих родовых праздников. (Родовое собрание белых бельтыров решило проводить родовой праздник раз в 2 года).

Затем приступают к проведению родового обряда жертвоприношения (тайыг). Закалывается жертвенный баран древним способом. Затем начинается моление. При этом мужчины совершают три круга по движе-

нию солнца вокруг священных берез. Шествие возглавляет "алгысчыл" и произносит молитву.

Между тем женщины занимаются приготовлением барана. Когда сварится мясо, один из мужчин сплетает из березовых веток поднос "тепси" для жертвенного мяса. От сваренного мяса отрезается по 3 кусочка сала, по 3 кусочка мяса от грудины, от первых ребер, сердца. Поднос с мясом, от которого исходит пар, поднимается вверх. Этот ритуал проводится для того, чтобы накормить духов-покровителей. Совершаются поклоны огню, при этом каждый просит благополучия.

Затем начинается спортивная часть праздника. Как на всех хакасских праздниках, устраиваются конные скачки (ат чарызы), определяется дистанция скачек (обычно длиной в 3 км), выбираются судьи. После первого заезда всадников, устраивается второй заезд, в котором участвуют только два всадника, опередившие других в первом заезде. Делаются денежные ставки. Кроме скачек, проходят соревнования "хол пазыс" – рукоборье, "охчаадаң атыс" – стрельба из лука, "урух тастааны" – метание аркана. Устраиваются конкурсы среди тахпахчи.

Родовой праздник заканчивается трапезой, гуляньем. У людей, приехавших впервые на праздник, появляется чувство радости за свой род, исчезает закомплексованность. За трапезой ведется разговор, сопровождаемый веселым смехом, продолжаются знакомства. По окончании гулянья территория родового праздника тщательно убирается.

Надо отметить, что родовые праздники способствуют познанию молодым поколением хакасских традиций и обычаев, осуществляется связь поколений.

Глава V. ХРИСТИАНСКИЕ ПРАЗДНИКИ

СЪЕЗЖИЕ ПРАЗДНИКИ

Праздничная пора определялась календарем сельскохозяйственных работ. Уборка урожая в Хакасско-Минусинском крае в основном завершалась к концу сентября. Тогда-то и начинался праздничный сезон. С октября по начало марта одним из важнейших развлечений чалдонов, особенно для людей среднего и преклонного возрастов, были Съезжие праздники.

Праздновались они по очереди во всех населенных пунктах в пределах каждой русской волости: в очередную деревню съезжались на праздник родственники, знакомые жителей, а часто – все, кто только пожелает (отсюда, кстати, и название – съезжий праздник). Как правило, такие массовые празднества совпадали с малыми православными полупраздниками (Петров день, Николин день, Ильин день и т.д.), поэтому и начинались они соответственно с торжественного молебна в сельских церквях и деревенских часовнях.

С десяти часов утра и практически до полуночи длится собственно праздник. Как повествуют этнографические описания по Шушенской, Новоселовской и Тесинской волостям середины XIX в., старожилы в это время "... ходят из одного дома в другой, поют по улицам песни, бренча на балалайке, угощают сосед соседа, приятель приятеля пивом, чаем, хлебным вином". В такой день в каждом доме принимающей гостей деревни были накрыты праздничные столы, и даже на самом скромном из них полагалось быть не менее чем двенадцати различным блюдам. Хозяева обязаны были принять каждого гостя, невзирая на степень родства или знакомства с ним. Часто на съезжий праздник в чалдонскую деревню прибывали хакасы, и тогда на застолье звучали не только русские, но и хакасские песни.

Вообще же на съезжий праздник могли явиться все – и мещане, и поселенцы-ссылные из "казенных поселений" (Восточное Тигрицкое, Сагайское, Дубенское, Ермаковское, Сабинское) и просто случайные люди – всех ждали радушие и угощение.

На съезжие праздники из волостного центра обязательно приезжали церковнослужители со своими семьями и совершали обходы домов по всей деревне. "... Жители сверх угощения дарят всех их порознь ... священнику барана, дьякону овчину, дьячку мерлушку или лытку баранины. Семействам их раздают подарки тоже смотря по первенству: священнице 25 яиц, дьяконице блюдо масла, дьячице 10 яиц, и для всех этих даров носятся за ними ... туясы... Бывают на праздниках сих волостные начальники. Писарь с женою ходит тоже с большою ватагою по домам. Им дарит хозяин, приговаривая: "Вашему почтению барашком кланяюсь", а голова (волостной чин – А.В.) или староста подарки не собирают, а довольствуются одним вином. За ними для пущей важности ходят старшина, десятник, тоже иногда под чаркою, за пивом показывают свою власть".

Съезжие праздники были достаточно продолжительными – от трех до семи дней. "Заведено так, чтоб дотоле праздновать, пока не допьют заготовленных пива и съестных припасов". Несмотря на кажущуюся разгульность, подобные празднества у чалдонов проходили мирно и бесконфликтно. "Если же и бывают драки и воровство, то оные случаются ... от поселенцев худой нравственности (ссылные из "казенных поселений" – А.В.), с каковыми старожилы не хотят иметь сообщения в эти дни, избегая ... могущего произойти от них воровства чего-либо. Окончив празднование, всякий домохозяин делает денежным расходам своим счет. . . и несколько обнаруживая неудовольствие на себя самого и домашних за излишнюю роскошь, старается мысль эту изгнать из головы, для чего. . . принимаются все за домашние и полевые работы.

Эти-то самые редкие, но значительные по своим расходам забавы более всего устраняют их от употребления в рабочие и воскресные дни горячих напитков. Некоторые из поселенцев часто их упрекают в скупости, приговаривая: "К чему ты, братан, бездну копил? Ведь ты своей скупостью дьявола сместишь!" Старожилы же всегда против сего отвечают: "Я придерживаюсь батюшкиной пословицы, который в старину баил: "Скупость не глупость, жив и так!"

СВЯТКИ **ЧЫЛ СЫРТЫ УЛУКУН**

Святочно-новогодний цикл обычаев и обрядов был, пожалуй, одним из самых распространенных праздников зимнего цикла у русских старожилых Хакасско-Минусинского края. Святки включали в себя две недели.

Первая неделя, от Рождества до нового года, называлась "святой" (святые святки), а вторая, от нового года до Крещения, – "страшной" (страшные или страстные святки). В основе святочного цикла лежат аграрные языческие обряды, базирующиеся на магии первого дня года: действия, совершенные в это время, должны были "работать" в определенном направлении на протяжении всего нового года.

Во всех старожилческих деревнях под новый год проводился обряд "посевания". Святочными вечерами группы молодежи ходили по улицам, заходили в дома и производили ритуальный "посев" – разбрасывание зерен пшеницы, ячменя, гороха. При этом обязательно исполнялись специальные "посевальные" песни. Их содержание могло варьировать, но все они начинаются ритуальным заклинанием: "Сею, сею, посеваю, с новым годом поздравляю!":

Родись, ярица, овес, пшеница и рожь!

Открывайте корбушки, доставайте серебришки,

Открывайте сундуки, доставайте пятаки!

Или: Уроди нам, Господи, конопле и поскани,

Ярицы, пшеницы, всякой пшеницы!

На полке грош. подавай как хошь,

На полатях сундуки, подавайте пятаки!

По своей языческой сущности данный обряд должен был вызвать богатый и щедрый урожай.

На Рождество (25 декабря по ст. ст.) производили обряд колядования: чалдонская молодежь ходила по домам и исполняла новогодние песенки-колядки (от *calandae*, названия греко-римского праздника нового года). За них колядовщики обязательно вознаграждались праздничным угощением.

Часто при исследовании обнаруживаются песни, исполняемые на посевание, которые по их смыслу должны бы исполняться на Рождество, так как в них используется образ Христа. Здесь мы сталкиваемся с двойственностью самого обряда, сложившегося еще в язычестве и испытавшего влияние православной церкви. В частности, новогодние языческие песни с целью вызвать урожай стали исполняться на рождественский сочельник.

Хакасы Рождество именовали "коледе" – словом, происходящим от русского "коляда". На этом празднике они обязательно пекли печенье "аргымах" в виде различных животных. Во время колядования детям раздаривали печенье "аргымах".

Помимо сказанного, обязательным элементом святых святок были ряженье и "маскарование" ("маскирование"). Как правило, молодые люди, участвовавшие в действе, вечером заранее собирались в каком-либо доме, готовились, а затем шли по улицам, заходили в дома, шутили и смеялись, пели и представляли хороводные молодежные игры.

У чалдонов Хакасско-Минусинского края преобладал самый простой вид святочной маскировки – чернение лица сажей. Учитывая, что черный цвет традиционно увязывается со смертью, можно предположить, что таким образом воспроизводилась простейшая маска предка.

В отличие от других сибирских регионов, маски, изображающие животных, в крае были распространены гораздо меньше. Скорее всего, такой ситуации способствовали и достаточно суровые климатические условия, и религиозная регламентация. Дело в том, что одевание маски животного рассматривалось православной церковью как контакт с нечистой силой. Поэтому замаскированному таким образом человеку в страстные святки предписывался обязательный обряд очищения в виде купания в иордани – проруби, прорубленной во льду реки в ритуальных религиозных целях.

С другой стороны, среди старожилов чрезвычайно широко были распространены маскарадные наряды, которые изображали различные бытовые, социальные либо национальные типы. Видимо, они не были связаны с какими-то древними поверьями, а выполняли лишь развлекательную функцию, так как встречаются и в других календарных праздниках. Наиболее широко у старожилов были распространены такие персонажи, как: еврей, приказчик, цыган, татарин, сапожник, нищий.

Очень часто у старожилов встречается и простейшая форма ряженья – одевание вывернутой мехом наружу шубы или тулупа. Поскольку мех со времен язычества выступает как символ плодородия, то таким образом, видимо, изображался дух природы, символ ее изобилия и щедрости.

Имел бытование и такой символ святочной маскировки, как травестизм (обрядовая перемена пола): юноши надевали одежду девушек, а девушки – одежду парней и шествовали в таком виде по деревне.

И конечно, непременным атрибутом святок были девичьи новогодние гадания о будущем замужестве. Считалось, что при этом гадающие контактируют с нечистой силой. Поэтому перед сеансом девушке полагалось распустить волосы, снять нательный крестик и опояску (пояс, служивший не только деталью костюма, но и круговым оберегом). Девичьи гадания так разнообразны по способам, что трудно не только их систематизировать, но и просто перечислить. Мы попытаемся привести лишь наиболее характерные из них.

Так, если гадали о личности или личных качествах будущего жениха, то часто перед зеркалом и зажженной свечой насыпали горстку золы из печи, накрывали ее полотенцем, на которое ставили стакан воды с обручальным кольцом. Затем, пристально вглядываясь в зеркало, пытались увидеть там "суженого-ряженого".

Часто на полу комнаты размещали горсть зерна, зеркало и воду, запускали туда петуха и смотрели, как он будет себя вести. "Если воду начнет пить – пьющим будет, если к зеркалу подойдет – будет красави-

стым, а к зерну – хозяином добрым". Иногда брали ложку, шли с ней перед сном к реке, зачерпывали воду, а затем молча, пятясь задом, шли домой, выпивали из ложки воду и укладывались спать в надежде увидеть во сне суженого.

Для определения возраста будущего мужа девушка ранним утром пекла сочень (тонкую лепешку из пресного теста), выходила на заре на улицу и загадывала: старик или молодой человек ей повстречается первым из мужчин.

Для того, чтобы определить место жительства будущего мужа, часто через крышку усадебных ворот бросали валенок с ноги либо конскую дугу. Затем выходили на улицу и смотрели, в какую сторону направлен носок валенка или концы дуги – оттуда и жених. Иногда с этой же целью девушки брали печную клюку, шли с ней на расстанье (перекресток дорог) и там по очереди, завязывая глаза, кружились с клюкой в руках до головокружения, пока не упадут. Место жительства суженого – там, куда указывает клюка.

Для того, чтобы определить имущественное положение будущего мужа, брали полено, вечером окунали его в воду на реке и оставляли во дворе на морозе до утра. Если оно покроется инеем, то муж будет богатым.

Для того, чтобы узнать характер будущей свекрови, брали камень, нагревали его докрасна в печи, а затем бежали на речку и бросали камень в прорубь. Если он уйдет в воду без особого шума, свекровь будет добрая, а если начнет шипеть и пускать пузыри – злая.

Помимо девичьих, в середине XIX в. особым видом новогодних гаданий были мужские, например: слушанье на кладбище. Их проводили молодые люди с целью определить судьбу и срок жизни. Для этого поздно ночью юноши группой шли на кладбище, усаживались в кружок и очерчивали это место головней, обожженной в Чистый четверг перед Пасхой. В случае, если не услышится ничего, то тот, на кого гадают, нормально проживет следующий год. Если же ему умереть, будут слышны вой людей, стук гробов, а если идти в рекруты – стук орудий. Как подчеркивает этнографическое описание по Новоселовской волости середины XIX в., в мужском гадании будущее открывают "духи-шаманы".

Проводились в святки и магические обряды, призванные обеспечить плодovitость и благополучие домашних животных. Так, у старожилов существовал обычай на новый год производить ритуальный ужин, основным блюдом которого были свиные ноги. После трапезы старшая женщина в семье собирала оставшиеся кости на столе, устанавливала стол посреди избы, а затем вся семья становилась на четвереньки, двигалась вокруг стола и имитировала звуки, издаваемые этим животным.

Помимо этого, у чалдонов существовали святочные обычаи и обряды, которые имели целью убажить духа домашнего очага – домового,

или, как говорят старожилы региона, "хозяина" (суседку). Вообще, культ домового был распространен очень широко. Так, при переезде в новый дом хозяина нужно обязательно звать с собой. Для этого брали тарелку с хлебом и произносили: "Хозяин-хозяин, хозяйин-домовой, пойдем со мной!" Хозяин – сила не добрая, но и не злая. Если к нему относятся уважительно, он оберегает дом, ухаживает за лошадьми, заплетает их гривы косичками. Иногда хозяин "вещует": наваливается непомерной тяжестью на спящего на печи, сворачивая ему голову набок. В этом случае следует спросить: "К добру или к худу?", и если впереди несчастье, то хозяин начнет ухать: "К худу, к худу, к худу!" Хозяин живет в подполье, поэтому при выпадении молочного зуба у ребенка нужно было обязательно бросить зубик в подпол и произнести: "Мышка-мышка, возьми зуб репный, а дай мне молодой да крепкий!" Обращение к мыши здесь не случайно, так как в русском фольклоре домовая персонифицируется именно в этом образе. У хакасов этот образ имеет название "сузетке" и восходит к старожильческому "суседка" (то есть соседка, сосед).

Если же человек поссорится с соседкой, отнесется к нему непочтительно или обидит невниманием, то хозяин мстит. Он может мучить лошадей, и тогда каждое утро кони будут в мыле, начнут болеть. Для того, чтобы избавиться от напасти, нужно символически продать коня: подойти, например, к соседу и попросить: "Купи у меня каурку!" При этом "покупатель" обязательно должен передать "продавцу" какую-либо монету.

Для того, чтобы задобрить хозяина, в новогоднюю ночь могли вынести и оставить во дворе чашку с вареными пельменями либо опустить кушанье в подпол. Интересно, что в первом случае приношение, по сути, делается не духу дома, а духу двора. В Европейской России вплоть до XIX в. крестьяне четко отличали домового, овинного, дворового, банного духов. У чалдонов же все эти образы слились в один – близкого, но опасного хозяина-суседки.

Надо отметить, что в дневные часы во время святок чалдоны занимались обычными хозяйственными делами. Праздничными же были лишь вечера. Чрезвычайно яркое описание таких вечеров оставил нам известный ученый XIX в. князь Н.А. Костров, бывший окружной начальник Минусинского округа:

"Святоточные вечера едва ли не самое веселое время в ... быту здешнего крестьянина. К этому времени он распорядился своим хлебом, ... уплатил подати ... успел запастись на целую зиму рыбою и кедровыми орехами—хмелем для пива про праздники... теперь ему ... можно и повеселиться...

Вечер... На селе тут и там стали зажигаться огоньки... Войдем в первый дом хотя сколько-нибудь зажиточного крестьянина... Весь сруб почти каждого дома... разделяется небольшими сенями на две половины, одна стряпушая... с огромною русскою печкой и с лавками вокруг стен,

другая – чистая горница, иногда с голландскою (сложенная из кирпича – А.В.) печью, уставленная стульями, у иных есть и диваны. В кухне ярко пылает в печи огонь и шумно кипит самовар... В горнице уже собралось несколько стариков и старух, которые чинно сидят вокруг стола, накрытого чистою белою скатертью... После третьей и четвертой чашки чая разговор начинает мало-помалу оживляться... После чая на столе появились четыре стеклянные тарелочки ... одна с сухими пряниками, другая с изюмом, третья с урюком ... четвертая ... с кедровыми орехами. Все это бабья забава, мужчины до нее и не дотрагиваются... Скоро появляется на другом столе большой поднос с графином вина, бутылкою мадеры и двумя рюмками... Подле стоит пирог с моксуном, паюсная икра и семга. Вино подано собственно для мужчин, мадера для женщин. Начинаются угощения... На улице слышен говор и громкие песни... Через минуту двери в горницу с шумом растворяются и входят замаскированные... Гости кланяются, но, не говоря ни слова, разделяются на две партии: мужчины становятся на одну сторону, девушки на другую. Забрехала балалайка и заиграла гармония. Мужчины подошли к женщинам, низко поклонились и, медленно отступая, запели... Мужчина с правой руки – обыкновенно жених. Он берет за руку стоящего рядом с ним и делает ворота. Девушки одна за другою проходят, но перед невестою ворота запираются. Жених берет ее за руки и целует. Игра повторяется снова и... должна бы была повторяться столько раз, сколько всех мужчин. Но хозяин видит, что это однообразно ... вежливо просит гостей отдохнуть немного ... выпить и закусить. Маски садятся, а старики и старухи встают со своих мест, подходят к ним, смотрят в лицо и стараются узнать, кто это такие. Узнать очень не трудно, потому что все село известно наперечет. Замаскированные девушки снова запели ... При самом начале этой песни один из замаскированных мужчин выходит на середину горницы и начинает под голос ее плясать. По окончании песни он подходит к девушке, которая ему по сердцу, становится перед ней на колена и целует ее ... Однако же время идет... [Замаскированные – А.В.] раскланиваются с хозяином и хозяйкой и отправляются далее. Уже около полуночи. Пора по домам и старикам... Это старое человечество придет домой, ляжет спать и успеет выспаться, ... а на улице все еще раздаются громкие песни загулявшей молодежи; все еще в окнах домов светятся приветные огоньки. . . "

Крещение (6 января по ст. стилю) по-хакасски называлось "хысхы мылтых" (букв. зимнее ружье). Накануне вечером хозяйки лепили из теста фигурки скота и птичек (хучагас). Запрещалось делать людей и собак. Затем вылепленные фигурки "хучагас" обжигались в печи и ставились перед божьим образом. Утром их хакасы разбивали и съедали.

После этого население аала под руководством приезжего русского священника отправлялось к замерзшей реке, где в большой проруби

("иордан") погружались в воду образ и крест. При погружении этих святынь в воду три человека трижды стреляли из ружей.

МАСЛЕНИЦА ХАЯХ УЛУКУН

Одним из самых крупных праздников, следующим за святками, была масленица или масленка, как называют ее русские старожилы региона. Когда-то в языческой древности она являлась весенним языческим праздником. Христианство внесло свои коррективы в его проведение прежде всего, весенним семинедельным циклом. Масленицу традиционно стали праздновать в конце зимы, в течение недели. Для нее характерны масленичный разгул, употребление большого количества горячительных напитков и праздничных блюд. С одной стороны, это, видимо, связано с длительным послемасленичным ограничением в пище во время православного поста. С другой, это еще и проявление языческой аграрной магии, а именно – стремление добиться желаемого результата его изображением.

В масленице явно просматривается связь с солярным культом, с заклятиями разгорающегося к весне солнца. Это проявляется в изображении круга и кругового движения. Поэтому не случайно главное блюдо масленичного стола – кислые блины. Хакасы же главным блюдом масленицы считали масло. Поэтому обязательно на праздничном столе находились подносы с хакасскими сырцами (пичиро), до краев заполненные топленным коровьим маслом. Еще одним проявлением солярного культа у русских старожилков можно считать широко распространенные ритуальные катания на лошадях вокруг населенного пункта.

Как уже говорилось, масленицу праздновали неделю, от воскресенья до воскресенья. Хакасы первое воскресенье Масленицы называли хакасским – "тадар сарыг хаягы". Последнее воскресенье именовалось русской Масленицей – "хазах сарыг хаягы". Во многих селах и деревнях в первый день по традиции заливали каток для масленичного катанья на санках и самодельных коньках. В хакасских валах каток во время Масленицы играл такое большое значение, что данный праздник имел второе название **Чылгаях** (каток). В середине ледяного поля укреплялся столб, на который одевалось колесо с прицепленными санками. Стар и млад в течение недели обязаны были кататься на этом сооружении. Как объясняли хакасские мудрецы, от катания у человека облегчаются кости – "соок ниидир". В последний день Масленицы каток и санки уничтожались.

В отличие от Европейской России, где одним из центральных обрядов было ритуальное сожжение чучела Масленицы (символа умирающего и воскресшего божества растительной природы), у чалдонов Хакасско-Минусинского края в конце XIX-начале XX вв. подобного обычая не

наблюдалось. Единственное, что бытовало – ритуальное сжигание соломенной кучи в один из последних дней праздника. Правда, имелось представление, что Масленку следует в начале праздника "встречать", а в конце "проводить" на паре лошадей.

Надо сказать, что праздничные катания на лошадях по населенному пункту у старожилов были одним из излюбленных занятий. Это – элемент народной карнавальная культуры, который предполагал, как и в святки, маскарадное ряжение.

В последний день Масленки в праздничное гулянье вплетались похоронные мотивы: в воскресенье, в так называемый "прошщёный (прощенный) день" существовал обычай посещения кладбища или дома родителей, если они живы, с тем, чтобы попросить у них прощения. В нем отразился возникший еще во времена язычества культ усопших-предков. Поэтому совершенно не случаен обычай принесения на кладбище умершим родичам яиц: яйцо занимает особое место в земледельческой весенней обрядности. Оно является символом жизни и возрождения, несет в себе идею плодородия.

Православная церковь же приспособила данный обряд к своим целям, и потому хождение на кладбище стало толковаться как просьба к родителям о прощении грехов.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ УЛУГ ПОЗЫРАХ

Вербное воскресенье проводили за неделю до Пасхи. Ранним утром ломали веточки вербы с набухшими почками. Затем их хранили за иконами на божнице в красном углу (левый или правый угол противоположной от входа в помещение стены). Эти веточки использовали затем в ритуальных целях. Так, например, в Егорьев день (23 апреля по ст. ст.), при первом выгоне скота в поле, ими погоняли животных. При этом зажиточные чалдоны приговаривали: "Отвяжитесь, теляты, жеребята и ягняты, привяжитесь, ребяты!" Малоимущие же произносили: "Отвяжитесь, ребяты, привяжитесь, теляты, жеребята и ягняты!" Хакасы же, стегая скотину, просили верховного творца: "Тал пазынан ко́ббк осси́ни". – Пусть скот вырастет побольше, чем почек на вербе!"

ПАСХА ХЫЗЫЛ НЫМЫРХА

Праздник Пасхи был у русских старожилов главным и наиболее почитаемым. Хакасы называли его Хызыл нымырха, т.е. праздником красных яиц. Готовиться к нему начинали заранее, преимущественно в Чистый (Великий) четверг перед воскресным пасхальным днем. В это

время хозяйки наводили порядок в доме и во дворе. До конца XIX века у чалдонов было принято оставлять внутренние поверхности жилого дома открытыми, без оштукатуривания и побелки. Поэтому пол, потолок и стены дома, а также всю деревянную подвижную и неподвижную мебель типа лавок, столов и т. п. хозяйки отмывали водой, отскабливая все это ножом до матово-белого цвета.

В Чистый четверг красили пасхальные яйца отваром из луковой шелухи. Хакасы красили отваром лиственничной коры. А начинался этот день на заре возжиганием ритуального "деревянного огня". Для этого брали две деревянных стойки, одна из них представляла собой изогнутую часть полоза, а другая – вертикальную планку,двигающуюся горизонтально по параллельным брускам по типу токарного станка. Между их нижними концами вставлялась гладкоструганная, с закругленными концами, лучина. На нее одевался "смычок" – небольшой лук, тетива которого обмотана вокруг лучины. Быстрыми движениями смычка лучина вращалась, нагревалась в нижней части, и, раздуваемая дыханием, воспламенялась.

Именно этим "деревянным огнем" хозяйка зажигала в Чистый четверг дрова. Считалось, что такой огонь обладает особыми магическими свойствами. Так, на нем обжигались головни для различных ритуальных действий, таких, например, как мужские новогодние гадания. С помощью этого огня, как твердо уверены старожилы, можно уличить человека в связи с нечистой силой: колдун или колдунья физически не могут переступить порог дома, где горит такой огонь. Угли от него затем загребали в загнет и тщательно засыпали, расходуя их по мере надобности только в этот день. В Чистый четверг следующего года "деревянный огонь" добывали вновь.

Утром, сразу же после возжигания этого огня, хозяйки воскуривали богородскую траву (ирбен), несли ее на скотный двор и окуривали животных.

Пасха во многих чалдонских деревнях начиналась с выхода на заре на культовые возвышенности, которые часто называются "красные горки" или "глядень", для встречи восходящего солнца.

Хакасы утром молились на восходящее солнце не крестясь. Если солнце "играло", то в его сторону кропили вином. Все одевались в праздничную одежду, сшитую из нового материала. Обязательной для всех была пасхальная заутреня – посещение церковного богослужения, посвященного этому великому православному празднику. Мужчины в церковь носили зерна злаков, предназначенные для будущей посевной, где их освящал священник. Освященное зерно хранилось за иконами, а в первый день выезда на сев его небольшими порциями добавляли в мешки с посевным хлебом.

После молебна начинались семейные пиршества, на которых обязательными блюдами были пасхальный кулич ("паска") и крашеные в красный цвет яйца.

Хакасская молодежь на Пасху обязательно каталась на конях. У кого не было лошадей, тому давали напрокат. В первый день Пасхи молодым парням разрешали пить вино. Однако, если на следующее утро они опохмелялись, то их строго осуждали. Девушки на Пасху не гуляли.

Надо сказать, что русские старожилы семейным столом не ограничивались, а обязательно после трапезы ходили по гостям. При этом существовал обычай ритуального обмена крашеными пасхальными яйцами. Дети и молодежь превращали его в игру, устраивая соревнования на самое крепкое яйцо. После Пасхи крашеные яйца оставляли на длительное хранение.

На Пасху существовал обычай качаться на качелях, устраиваемых специально для этого праздника. Обычай имеет древние языческие корни, так как качание – это изображение подъема, роста растительности. Качели (называемые по-хакасски "чилемес") устанавливали в первый день Пасхи (пас кун). Это – сооружение из двух пирамид (алачых), которое сверху соединялось поперечной балкой (архы). В течение недели молодежь качалась на качелях. В последний день Пасхи они убирались.

Согласно хакасскому обычаю, в день Пасхи обязательно надо было вымыть свое тело. За юртой устанавливали казан с водой, где кипятили богородскую траву (ирбен), и каждый человек обмывал свое пострадавшее тело горячей водой с богородской травой.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ **ХАРА НЫМЫРХА**

Вторник второй недели после Пасхи считался Родительским днем. Хакасы называли его **Хара нымырха**, т.е. праздник черных яиц. В этот день существовал народный обычай массового поминовения усопших родственников на кладбище. В первой половине дня старожилы посещали погост, сидели около могил, раскладывая там поминальный стол. На могилы умерших клали угощение, обязательными атрибутами которого были блины, крашеные яйца и мягкая выпечка ("печенье").

Хакасы на Родительский день приносили на могилы яйца, выкрашенные в черный цвет. Сначала их катали по поверхности могилы. Разбивавшиеся яйца забирали себе и съедали, а оставшиеся целыми оставляли на могиле со словами: "Син утып алдын!" – Ты выиграл!" Любой участник обряда на Родительский день имел право подойти к могиле и испытать счастье. Если при ударах яйцо об яйцо он выигрывал, то забирал их себе.

ВОЗНЕСЕНИЕ ПОЗЫНАЧАЙ

Через сорок дней после Пасхи христиане праздновали Вознесение Христово. В этот день хакасское население выходило на пашню и разбрасывало скорлупу пасхальных яиц. Согласно народным представлениям, таким образом происходило оплодотворение земли.

ТРОИЦА ТРОСИН

Седьмая неделя после Пасхи отмечалась у русских старожилов как троичная. Отсюда, кстати, и второе название этого праздника Пятидесятница, так как собственно Троица празднуется в воскресенье, то есть на пятидесятый день после Пасхи. Помимо православного религиозного содержания, в этом летнем июньском празднике очень сильны мотивы языческой магии. Особо в этом плане выделяется Семик – троичный четверг. По языческим представлениям, это – день, когда мир живых соприкасается с миром мертвых. В Семик в мир живых вторгаются русалии – заложенные покойники, то есть те, кто умер неестественной смертью, а именно – утопленницы, умершие дети, подростки. Они выходят из мест своего упокоения, превращаются в красивых девушек, качаются на качелях и водят хороводы в лесных куцах. Семик – это единственный день в году, когда старожилы по народной традиции поминали людей, ушедших из жизни "не своей" смертью – утопленников, самоубийц, трагически погибших и т.п.

Чалдонская молодежь в Семик ходила в окрестные березовые рощи "завивать березки": не срывая веток, из ветвей живого дерева заплетали венки. С помощью такого венка молодые люди в этот же день "кумились" – давали клятву вечной дружбы, целуясь через венок и приговаривая: "Ты кум, я твоя кума."

На Троицу у старожилов существовал обычай украшать дома зелеными ветвями березы. По языческим представлениям, в них вселяются души умерших родственников. Молодежь на Троицу "ходила с березкой". С утра группа молодых людей шла в ближайшую березовую рощу, срубала там молодую березку и украшала ее разноцветными лентами. Затем с песнями, веселой гурьбой ее несли в деревню, проходили по улицам, заносили и устанавливали в каком-либо доме, где и начиналось праздничное молодежное веселье.

В воскресенье молодые люди опять уходили в березовую рощу, где развивали сплетенные в Семик живые березовые венки. После этого, как правило, юноши и девушки плели венки из сорванных цветов и отправлялись с ними на реку. Венок в традиционной культуре выступает одновременно магическим предметом при заклетьях на брак, счастье и плодо-

родие, и предметом, употребляемым для угадывания своей судьбы. Поэтому молодежь, бросая венки в реку, использовала их для гадания.

Если гадала молодая пара, то целью этого действия было узнать, соединятся ли в будущем молодые люди. Если же гадала одна девушка, то гадание должно было ответить, будет ли она жить либо преждевременно умрет. Потонувший венок в обоих случаях предвещал недоброе, а мирно плывущий по реке означал счастливый исход.

Дохристианский земледельческий календарь у русских был ориентирован по солнцу, церковный же календарь – по луне. В результате их слияния в культуре русских появилось два типа праздников – постоянные ("непереходящие") – Рождество, Крещение, Сретение, Благовещенье, Преображение и т.п.) и непостоянные ("переходящие" – Масленица, Пасха, Троица и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Адрианов А.В. Айран в жизни минусинского инородца. – Архив РГО. Ф. 57, № 26.
2. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. – Л., 1988.
3. Бутанасв В.Я. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л., 1988.
4. Бутанасв В.Я. Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX-начале XX вв. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. – Абакан, 1988.
5. Бутанасв В.Я. Свадебные обряды хакасов в конце XIX – начале XX вв. // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1987.
6. Бутанасв В.Я. Этническая история хакасов XVII-XIX вв. – М., 1990.
7. Бутанасв В.Я. Этническая культура хакасов. – Абакан, 1998.
8. Жигульский К. Праздник и культура. – М., 1985
9. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. – М., 1989.
10. Катанов Н.Ф. Шаманские песнопения. – М., 1996.
11. Костров Н.А. Святки в Минусинском округе Енисейской губернии // Записки Сиб. отд. РГО. – СПб., 1858, Кн. 5.
12. Курбятский Г.Н. Тувинские праздники. – Кызыл, 1975.
13. Майнагашев С.Д. Жертвоприношение Небу у бельтыров // Сборник музея антропологии и этнографии АН. I, III, Пг., 1916.
14. Макаренко А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. – СПб., 1913.
15. Маркаръян С.В., Молодякова Э.В. Праздники в Японии. – М., 1980.
16. Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск, 1989.
17. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л., 1991.
18. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. – М., 1969.
19. Семейная обрядность народов Сибири. – М., 1980.
20. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – XX в. – М., 1979.
21. Этнографическое описание по Шушенской волости 1847 г. АГО РФ, разряд 57, опись 1, № 2.

Виктор Яковлевич Бутанаев
Александр Александрович Верник
Артем Анатольевич Ултургашев

Авторы

Народные праздники

Хакасии

Учебное пособие

Редактор О.Новикова

Художественный редактор Д. Васильев

Компьютерное обеспечение Ю. Таубаевой

В книге использованы фотографии из архива автора В.Я. Бутанаева

Подписано к печати 30.09.99 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Усл.печ.л. 4,75. Уч.-изд.л. 3. Тираж 1000.
Лицензия ЛР 021034 от 22 .01. 96 г.

Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
Отпечатано в типографии издательства Хакасского государственного университета
им. Н.Ф. Катанова

662600, г. Абакан, пр. Ленина, 94

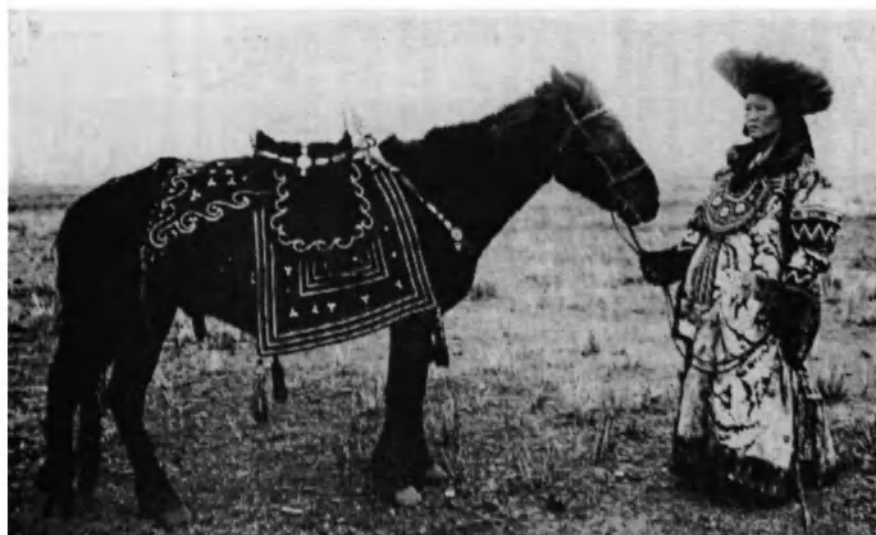
Группа хакасов. Женщины одеты в праздничные халаты-секпены (XIX в.).

Семейное торжество у хакасов-качинцев (XIX в.).

Хакасские сваха и невеста (XIX в.).

Хакасская сваха (XIX в.).

Хакасская мировая (XIX в.).

Хакасская свадьба (XIX в.).

Хакассские поминки (XIX в.).

Обряд захоронения (XIX в.)

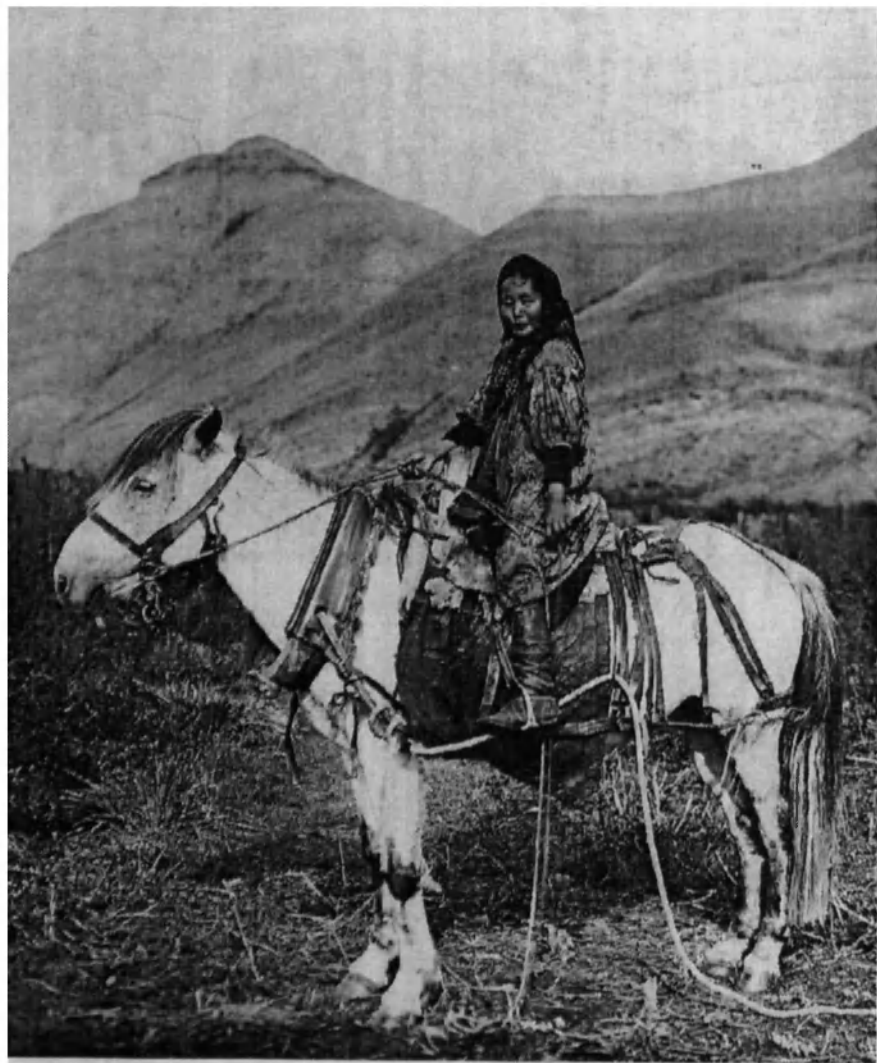
Хакасский охотник на диких коз (XIX в.).

Деревянная юрта с покрытием из коры лиственницы (XX в.).

Деревянная юрта с тесовым покрытием.

Девушка, перевозящая копны сена (XX в.).

Охотник в полном снаряжении (XX в.).

Древности Минусинского края. «Бирская» каменная баба.

Женщины, играющие на чатхане.

На празднике Тун-Пайрам (1998 г.)

Свадебный обряд «поджа-потхы» (1989).

Хакасская праздничная игра «поджа-потхы» (1989 г.).

Фольклорный ансамбль (1998).

На жертвоприношении «Тар-тайыҕ».

На празднике «Чыл пазы» (1999).

Руководитель праздника Ада-Хоорай. Автор В.Я. Бутанаев.

Хакасский праздничный нагрудник «пого».

13-02

